

18+

Сказать по правде

«Укрощение
строптивой»
XXI века

Как бы сложилась судьба
героев шекспировской пьесы
в современном мире?

ЭМИЛИ УИББЕРЛИ

ОСТИН СИГМУНД-БРОКА

**Остин Сигмунд-Брока
Эмили Уибберли
Сказать по правде
Серия «Молодежный роман»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51213318

Сказать по правде : [роман] / Эмили Уибберли, Остин Сигмунд-Брока:

АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-120501-0

Аннотация

Репутацию Кэмерон Брайт можно выразить одним словом: стерва. Неудивительно, что она королева «дрянных девчонок» и привыкла всегда получать желаемое. Но даже у таких, как она, есть слабости. Эндрю – ее первая настоящая любовь и восходящая звезда футбольной команды. А еще... он не хочет иметь с Кэмерон ничего общего.

Чтобы завоевать красавчика, нужно «приручить» себя, извинившись перед всеми, кого она обидела. Даже перед Бренданом, чья жизнь практически пошла под откос. Но что, если на самом деле любовь, которую Брайт заслуживает, не требует жертв?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	50
Глава 6	59
Глава 7	66
Глава 8	74
Глава 9	89
Глава 10	96
Глава 11	99
Конец ознакомительного фрагмента.	108

**Эмили Уибберли,
Остин Сигмунд-Брока
Сказать по правде**

Строптивым, которых не укротить

Глава 1

– СТЕРВА, – шепчет Отем Кэри у меня за спиной. Наверное, я это заслужила тем, что осмелилась обогнать ее и первой войти в двери столовой. Я подрезала ее, пока она изучала свое отражение в камере телефона, пытаюсь решить, не зря ли отрезала челку. Зря. В глубине души мне хочется развернуться и сказать Отем, что я не могу ходить за ней гуськом все время обеда, но я сдерживаюсь.

Вместо этого склоняю голову ровно настолько, чтобы дать Отем понять: я ее услышала, но это не волнует меня настолько, чтобы отвечать. У меня есть свои дела. Отем не так интересна, чтобы удержать мое внимание, а тем словом меня называли слишком часто (и тем же шепотом), поэтому оно перестало задевать. По крайней мере, когда оно звучит из уст таких девиц, как она. Здесь это популярное мнение. «Кэмерон Брайт – стерва».

Я распахиваю дверь и выхожу на улицу. Солнце играет на струях фонтана в середине двора, окруженного низкими кустами и обеденными столами. Температура под миллиард градусов, потому что сейчас сентябрь, когда в Лос-Анджелесе царит апокалиптическая жара. Я направляюсь к лестнице на патио второго этажа, расположенного под крышей из красной черепицы и кремовыми арками, – школа построена в стиле испанской миссии.

Я замечаю, что в мою сторону поворачиваются головы. Девочки смотрят на меня наполовину с восхищением, наполовину с обидой; мальчики заинтригованы. Надо сказать в их защиту, что я понимаю – я... горяча. Я блондинка от природы, и у меня тело, которое получается, только если пробежать по шесть миль в день.

Десятиклассница пялится на меня через перила с нескрываемым интересом человека, который не знает, что его заметили. Я бросаю ей взгляд – «Что-то не так?» – и она отводит глаза, а ее щеки краснеют.

Я популярна. Не знаю, почему. Едва ли я единственная сексуальная девчонка в школе. Дело не в том, что я богата. Да и, к слову, это не так. Богат мой отец, но он переехал в Филадельфию в тот же год, когда я родилась, не без причины, конечно. Он присылает чек, покрывающий стоимость моего образования, оплату маминой квартиры и больше ничего. И мне не приносит популярность то, что мои родители получили «Оскар», или выступали на переполненных стадионах, или спали со Стивенем Тайлером. Мою маму можно считать актрисой, но только из числа никому не нужных, третьесортных. Она играла в паре рекламных роликов и в театральных постановках, когда я ходила в начальную школу. С тех пор она катится по наклонной: смотрит мыльные оперы и сидит в интернете.

Честно говоря, на фоне одноклассников во мне нет ничего интересного. Бомонт Преп – лучшая и самая дорогая школа

на западном побережье – полна детей богачей и знаменитостей. Актрис, предпринимателей, спортсменов, музыкантов.

И среди них – я. Я живу в сорока минутах от них, в Корея-Таун. Езжу на «тойоте», которая, по-моему, сделана раньше, чем Клинтон стал президентом. Я не законодатель моды и не выкладываю в «Инстаграм» фото, которые собирают тысячи лайков по всему миру.

Но я популярна. Это невозможно отрицать, в этом не стоит сомневаться.

Я нахожу наш обычный стол, с видом на двор. Все знают, что патио второго этажа принадлежит нам; оттуда лучший вид для нас и на нас. Пока там никого нет, так что у меня есть время достать блокнот и набросать короткий список, чтобы упорядочить мысли.

Задачи на 8.09

Написать рецензию на эссе для Уортона

Оздоровительная пробежка

Домашнее задание по экономике

Я уверена, что есть четвертый пункт; пытаюсь его вспомнить, но не получается. Я использую списки, чтобы снять напряжение, а нервничать начинаю, если мне кажется, что дела не распланированы и все выходит из-под контроля. Именно так я себя чувствую сейчас, пытаюсь вспомнить последнюю задачу на сегодня...

– Ты могла бы сегодня прийти ко мне, – воркует противный мужской голос, гарантированно принадлежащий Джефф-

фу Митчелу. Две сумки бросают на стол у меня за спиной.

Я закатываю глаза, когда женский голос отвечает:

– Ты не идешь на вечеринку Ребекки?

Женский голос – застенчивый и явно игривый. Я морщусь. Джефф Митчел ужасен. Богатый, избалованный и привлекательный ровно настолько, чтобы быть невыносимо заносчивым. Он получает однидвойки, курит травку вместо занятий и любит производить впечатление на девушек, «угощая» их ужинами за пять сотен долларов в папочкинском ресторане.

– Не пойду, если ты ко мне придешь, – отвечает Джефф. Я слышу шуршание ткани, выдающее физический контакт. Не хочу знать, в чем он заключался. Мне нужно закончить список, но не получится, если позади будет продолжаться *это*.

Скрипнув зубами, я разворачиваюсь к парочке.

Джефф усмехается, вздернув воротник и положив одну руку на колено, обтянутое белыми джинсами, принадлежащее Бетани Бишоп. Той самой Бетани, которой разбивали сердце практически все известные идиоты Бомонта, включая тупых богачей и спортсменов-донжуанов. У меня нет ни времени, ни желания наблюдать, как этот пересечет финишную черту.

– Серьезно? – Я медленно перевожу взгляд на Бетани. – Теперь ты флиртуешь с *ним*?

Та краснеет и отвечает возмущенным взглядом.

– Твоего мнения никто не спрашивал.

– Тебя только что бросили. – Я пропускаю ее слова мимо ушей. – Об этом знала вся школа. Ты *неделями* рыдала до соплей возле шкафчика. У меня нет ни малейшего желания снова наблюдать это каждый день по дороге на этику, а Джефф куда хуже, чем твой бывший.

– Эй, – влезает Джефф. Я перевожу на него гневный взгляд.

– А что касается тебя... – Я снова поворачиваюсь к Бетани. – Честно, ты неплохо выглядишь. Конечно, гардероб стоило бы освежить, и смех у тебя ужасно раздражающий. Но с учетом всех обстоятельств, по меркам Бомонта, ты тянешь на шесть с половиной. А Джефф, – я машу в его сторону рукой, – на двойку. Ты можешь найти парня куда лучше, – убеждаю я.

Бетани хватает сумку.

– Пошла ты, Кэмерон! – Она возмущенно удаляется, не понимая, какую большую услугу я ей оказала.

Никто этого не понимает. Когда люди не называют меня *стервой*, то говорят, что я чересчур честная. Я знаю. Прекрасно знаю. Когда растешь с таким отцом, как у меня, который сопровождал каждый редкий визит и телефонный звонок на протяжении всего моего детства прямолинейными комментариями, это становится инстинктом. И ведь он никогда не ошибается, даже если его слова причиняют боль. А они причиняют – я знаю, что он сволочь. Но он – успешная сволочь, владелец одной из 500 крупнейших компаний в

США с пентхаусами на двух континентах. После каждой его критики я могла увянуть и чувствовать себя неудачницей – или принять вызов и стать лучше. За это я всегда ценила его честность.

Бетани, очевидно, со мной не согласна.

– Какого черта? – раздраженно спрашивает Джефф. – Бетани стопроцентно дала бы мне. Ты моя должница.

– Ну конечно. Это *ты* мне должен за десять минут моей жизни, которые уже не вернуть.

Он смеряет меня взглядом, и выражение его лица меняется. От поднятых бровей меня начинает тошнить.

– Я бы дал тебе десять минут, – говорит он тоном, который, вероятно, считает соблазнительным.

– Лучше сдохнуть.

– Блин, Кэмерон, – раздражается он, – тебе нужно расслабиться. Сделай миру услугу, трахнись уже! Если ты так и будешь изображать снежную королеву, однажды не останется парней, которые на тебя клюнут.

– Главное, чтобы тебя не стало раньше. Чем скорее этот разговор закончится, тем лучше.

– Ты ведь это не всерьез. Кстати, придешь сегодня в «Скару»? Я там буду. Мы могли бы...

Но я не слышу мечты Джеффа Митчела о том, чем мы могли бы заняться вечером, потому что его предложение, хотя и всесторонне отвратительное, напоминает мне, чего в моем списке не хватает. Я возвращаюсь к блокноту и продол-

жаю:

Узнать, идет ли футбольная команда в «Скару».

Может, я известна в кампусе как «снежная королева», но мне недолго ею оставаться. Если, конечно, один член футбольной команды придет в ночной клуб в Северном Голливуде, где одна из чирлидеров сегодня устраивает большую вечеринку.

– Ты меня вообще слушаешь? – ноет Джефф, требуя моего внимания.

– Конечно нет. – Я поднимаю голову как раз вовремя, чтобы увидеть приближение двух моих лучших друзей. Эль Ли смеряет Джеффа взглядом, полным такого чистого отвращения, что слова не нужны. Джефф хватается свой рюкзак и наконец убирается прочь. Клянусь, у нее дар.

– Разрешите понюхать? – В голосе Эль звучит характерное раздражение. Она падает на сиденье напротив от меня, уже совершенно забыв про Джеффа. Я закрываю блокнот, пока они с Морган ставят свои подносы с обедом на стол.

Ослепительные белокурые волосы Морган заплетены в замысловатую косу. На ней платье от Dolce & Gabbana, но Морган Ле-Клер даже в спортивных штанах могла бы выглядеть кинозвездой. Потому что она, в сущности, и есть кинозвезда. Ее мама – музыкальный продюсер, и Морган всю жизнь тусуется с Дональдами Гловерами и Деми Ловато этого мира. В десять лет она решила, что хочет быть актрисой, и год назад ее агент начал подбирать ей роли в местных ин-

ди-фильмах. Она сидит рядом с Эль со скучающим видом, и у меня складывается впечатление, что она слышала первую половину нытья Эль по пути из столовой.

Эль взбивает короткие блестящие черные волосы пальцами с идеальным маникюром. Ее рост не дотягивает даже до 160 сантиметров, однако все – включая учителей – сходятся на том, что она – самый грозный человек на кампусе.

Поэтому я не собираюсь ее перебивать.

– Разрешаю, – говорю я с величественным взмахом руки.

– МиссМелани¹ получила спонсорство от «Сефоры»², – вскипает Эль настолько, что становится заметен ее британский акцент. До десяти лет она росла в Гонконге, и английскому ее учили дорогостоящие частные репетиторы. – Я сняла множество видеороликов про их контур для губ. Я даже сняла закупочное видео, для которого потратила семь сотен собственных денег на косметику, которая мне не нужна. Я писала их главе электронной рекламы имейлы с поцелуями в попку – и все только для того, чтобы они пошли к такой идиотке, как МиссМелани, которая путает в комментариях «-тся» и «-ться»!

Эллен Ли, которую 15 миллионов подписчиков на «Ютубе» знают как Elli, еженедельно выкладывает тьюториалы по макияжу, которые входят в число лучших по количеству просмотров. Каждую неделю она создает и демонстрирует

¹ MissMelanie (англ).

² Sephora (англ).

образ для любой цели – от новогодней вечеринки до похорон. Она дважды попадала в список «Самых высокооплачиваемых звезд Ютуба» от *Forbes*.

Несмотря на мое полное и абсолютное отсутствие интереса к косметике или популярности в интернете, мы с Эль удивительно похожи. Она – единственный известный мне человек, который понимает, насколько безрассудны и легкомысленны 99 процентов людей в нашей школе. Эль непоколебимо честна и пойдет на что угодно, чтобы достичь своих целей. Вот почему мы неразлучны.

И вот почему я знаю, что она выдержит небольшую демонстрацию характера в ответ.

Я отвечаю ей ироничным взглядом:

– Ты же знаешь, что говоришь так, словно тебе все должно?

Эль едва удосуживается на меня посмотреть.

– Разумеется, – говорит она, скрывая улыбку. – «Сефора» *должна* спонсировать меня за активную работу, а ты *должна* слушать мое нытье и не жаловаться, потому что я приходила на все твои нескончаемые гонки по пересеченной местности.

Честно говоря, это правда. Эль и Морган приходили практически на каждую гонку, которую я могу вспомнить. Часто на трибунах за меня болеют только они. В первый раз они приходили, когда я была в девятом классе и пригласила отца, потому что он случайно приехал в город очаровывать инвесторов перед грядущим предложением акций. Я размечта-

лась, что он придет и увидит, как я выигрываю. Когда я пересекла финишную черту, его не было – но были Эль и Морган. Их присутствие оказалось для меня сюрпризом, и только это спасло меня от того, чтобы окончательно пасть духом.

– Вы обе ужасны, – говорит Морган, качая головой. – Не понимаю, почему я с вами вообще дружу.

Нам с Эль не нужно обмениваться взглядами. Мы одновременно набрасываемся на Морган.

– Ты отличница, ты добрая, у тебя крутые богатые родители... – начинаю я.

– Ты актриса и красавица, – продолжает Эль.

– Ты слишком совершенна, – добавляю я.

– Никто, кроме нас, не справится с тем, чтобы с тобой дружить.

Морган закатывает глаза и краснеет.

– Вы совершенно ужасны.

– Но ты нас любишь, – пожимаю плечами я.

– Тут можно поспорить, – подмигивает она в ответ и достаёт телефон, вероятно, чтобы написать своему бойфренду Брэду.

Я замечаю время на ее экране. Черт. Осталось десять минут обеденного перерыва. Мне нужно отдать рецензию на эссе и забрать свою из Центра колледжа и карьеры. Я засовываю блокнот в сумку и встаю.

– Морган, – я вспоминаю последний пункт в списке дел, – спроси Брэда, может, он знает, придет ли сегодня в «Скару»

футбольная команда?

На мне немедленно останавливаются две пары глаз. Знаю, этого и следовало ожидать.

– Почему тебя интересует футбольная команда? – спрашивает Эль. – Ты же не собираешься завершить два года одиноких вечеров пятницы, переспав с кем-нибудь?

– Что дурного в том, чтобы просто посмотреть на витрины? – легко отвечаю я, забрасываю сумку на плечо и ухожу от допроса.

Я направляюсь в Центр колледжа и карьеры. Проходя мимо фонтана во дворе, я подчеркнуто игнорирую Отем Кэри и ее друзей, которые как один гневно смотрят в мою сторону. Меня это не волнует. Если бы каждый подобный взгляд, который я заслужила или получила незаслуженно, меня беспокоил, я бы утонула в осуждении.

Я ускоряю шаг, чтобы успеть пересечь кампус и забрать свое эссе. Центр колледжа и карьеры разбивает старшеклассников на пары, чтобы они писали друг другу рецензии на эссе для поступления в колледж. К сожалению, это обязательно, насколько бы мне ни было безразлично мнение одноклассников на мои перспективы продолжения образования. Мне в партнерши досталась Пейдж Розенфельд, поразительно странная девица, но, к счастью, мне не нужно с ней разговаривать. В эссе она писала о том, как не может помочь однокласснику, которого травят, и я оставила только пару замечаний. Погружение в личную жизнь Пейдж далеко от перво-

го места в числе моих приоритетов.

Куда больше меня волнует *мое* эссе. Оно должно быть идеальным. Я все лето работала над черновиком, который сдала в ЦКК. Писала, переписывала, редактировала. Я даже попросила Брэда, бойфренда Морган, который собирается последовать по стопам отца в Гарвард, отредактировать его, и разрешила быть жестким – насколько Брэд на это способен.

Потому что мне нужно, чтобы оно было готово, отшлифовано и идеально к 1 ноября. Это крайний срок подачи заявления на ранний прием в школу Уортон при Университете Пенсильвании.

Там учился мой отец. Хотя мы никогда не жили вместе, хотя наши отношения явно дисфункциональны, я давно хотела учиться там же, где и он. Если меня примут, он будет знать, на что я способна. Если меня примут, Ю-Пенн будет нас объединять.

Я вхожу в Центр колледжа и карьеры за несколько минут до конца обеда. Он пуст, и я пересекаю чересчур чистую комнату с ковром на полу в направлении ученических почтовых ящиков. Бросаю эссе Пейдж в ее ящик, а потом перехожу к своему. Сверху лежит конверт с комментариями Пейдж к моему эссе. Я торопливо разбираю страницы и начинаю просматривать заметки красными чернилами на полях.

Их... много. Сердце сжимается, а потом бьется сильнее. Я не собиралась переживать из-за комментариев Пейдж Розенфельд, но когда видишь такое, игнорировать трудно.

Я открываю последнюю страницу, на которой Пейдж, оказываясь, оставила финальную записку. Я заставляю себя сосредоточиться на каждом предложении, несмотря на то, что предпочла бы игнорировать их все.

Все это выглядит очень неискренне. Кто угодно смог бы написать такое эссе, погуглив пару раз Ю-Пенн. Здесь нет тебя. Какой бы ни была причина, по которой ты хочешь там учиться – просто скажи ее. Попробуй найти немного страсти – и начни заново.

Я хмурюсь. Кто такая эта Пейдж, чтобы говорить мне про искренность? Она меня не знает. Не то чтобы ее эссе можно считать блестящим. Если бы мне не было все равно, я бы тоже могла написать ей записку с критикой банального выбора темы и чересчур драматичных описаний. В Бомонте вряд ли есть проблемы с травлей.

Читать такие комментарии к тексту, которым я гордилась, стыдно. Однако хуже всего то, что я знаю: она права. Я настолько погрузилась в попытки изобразить профессионализм, что не коснулась ничего личного.

Но я отказываюсь впадать в уныние. Я не такая, как Бетани. Если бы меня можно было сломить резкими словами, я бы уже давно сдалась. Я перепишу эссе и поступлю в Ю-Пенн.

В сумке вибрирует телефон. Я рефлекторно достаю его и вижу сообщение от Морган.

«Футбольная команда придет. Посмотрим, что ты задума-

ла...»

Слегка улыбнувшись, я закрываю свое эссе и кидаю в сумку. Мои мысли уже заняты сегодняшним вечером.

Глава 2

Я опаздываю в «Скару», потому что на Хайлэнде в пятницу вечером много машин и мне приходится полчаса искать место для парковки, потому что я не хочу платить семнадцать долларов за гараж. Клуб находится на верхнем этаже огромного торгового центра на Голливудском бульваре, среди высоких многоквартирных домов и кинотеатров в стиле «ар деко». Мне приходится лавировать среди туристов, болтающих на языках, которые я не могу распознать, и фотографируют Аллею славы.

Наконец я добираюсь до входа, и вышибала впускает меня внутрь. Обычно в клуб пускают только тех, кому уже есть двадцать один, но сегодня отец Ребекки Дорси снял весь клуб для ее дня рождения. Конечно, они не станут подавать нам алкоголь, но люди творчески подходят к вопросу и находят способы поднять содержание алкоголя в крови.

Я сразу вижу его в мигающем свете.

Прислонившись к бархатному дивану на краю танцплощадки, он смеется вместе с остальной футбольной командой. Выглядит как воплощение абсолютной беззаботности и... сексуальности. Он высокий, сложен как положено школьному спортсмену, а блеск его улыбки можно заметить из другого конца клуба. Я смотрю, как он поднимает руку, чтобы потереть затылок, и край его командной футболки-поло под-

нимается, открывая полоску темной кожи выше ремня. Симпатичную, манящую полоску кожи.

Это мой момент. Нужно только подойти к нему, присоединиться к разговору, а потом отвести его туда, где мы останемся вдвоем.

Но я не могу.

Музыка неприятно стучит в ушах. Я даже не могу пройти дальше безвкусной скульптуры у входа.

Я целый год этого хотела. Планировала. Почему я не могу это сделать? Возможно, я разучилась флиртовать. Я два года отвергала парней, втайне все больше влюбляясь в этого. Что, если я забыла, как играть в эту игру?

Я вижу, как он закатывает глаза в ответ на очередную глупость, которую говорит Патрик Тодд, и знаю, что будет потом. Его брови резко поднимаются, как всегда случается, когда он готовит одну из своих непринужденных ответных шуток. Он восхитительно прямолинеен.

Это было первым, что мне полюбили в Эндрю Ричмонде. Даже когда он только появился в Бомонте, я заметила его невозмутимость и чувство юмора. Наша дружба развивалась, потому что мы оба были не на своем месте среди наших богатых и гламурных одноклассников. У Эндрю имелась дополнительная сложность – он черный в нашей преимущественно белой школе. По той или иной причине мы оба начали свой путь в Бомонте, ощущая себя чужаками.

Я разговаривала с ним тысячи раз, но ни разу – в этом

контексте. Даже плохие фразы для съема не приходят в голову. Мне нужна помощь.

Ощущая, как бьется сердце от досады, я осматриваю танцплощадку в поисках друзей. Люди, которых я не знаю, и люди, которые мне не нравятся, заполняют тесную темную комнату. Морган, одетая как хипстер с бюджетом Беверли-Хиллз, в золотом платье на бретельках и бисерной повязке на голове, устроилась на одном из Г-образных белых диванов возле балкона. Она рассматривает Брэда с пылом, который я научилась распознавать – и избегать. Я знаю, к чему идет их вечер, и не стану прерывать *такое*.

Но перед баром Эль водит пальцем по руке Джейсона Рида. Фу. Мне совершенно не стыдно прерывать совершенно неоправданные постельные планы Эль. Прежде чем она успевает затащить Джейсона в темный угол, я пересекаю комнату и ловлю ее за локоть.

– Кэмерон! – возмущается она.

Игнорируя протест, я марширую с ней в дамскую комнату. Закрываю дверь, и Эль проходит внутрь. Я окидываю комнату взглядом. Она грязная, и приглушенный свет не скрывает пролитые напитки и бумажки, разбросанные по полу. В одной из кабинок девушка в платье с блестками придерживает волосы подруги, которую тошнит в унитаз.

– Надеюсь, у тебя была очень хорошая причина для того, чтобы оттаскивать меня от Джейсона, – говорит Эль, выжидательно выгибая бровь.

– Помимо очевидной? – отвечаю я, на мгновение забыв про свою цель. Я тысячу раз объясняла Эль, почему мне не нравится Джейсон. Он – надоедливый безмозглый актер, который обожает исключительно свое отражение в зеркале. У него есть девушка, хотя, полагаю, сегодня она не пришла – но мне приходится общаться с ней каждый день после уроков, во время занятий бегом. – Ты же знаешь, я это не одобряю.

– Если бы я хотела знать твое мнение, то спросила бы, – отвечает она. – Зачем ты меня сюда притащила?

Я дико нервничаю. Эндрю за дверью, всего в нескольких метрах от нас. Я начинаю мерить шагами отвратительный пол туалета, раздраженно взлохмачивая волосы пальцами.

– У тебя есть помада такого оттенка... соблазнительного? Во взгляде Эль читается понимание.

– Тебя все-таки интересует один из футболистов. Скажи мне, кто.

– Эндрю.

– Эндрю Ричмонд? – Эль начинает улыбаться.

– У тебя есть помада или как? – громко спрашиваю я, скрещивая руки на груди.

Эль смотрит на меня со скепсисом и долей юмора.

– К твоему сведению, я не всегда ношу с собой полную цветовую палитру. Если ты собираешься одалживать у меня косметику, тебе нужно писать мне заранее и говорить, что на тебе надето и сколько времени ты в этот день провела на солнце. Я не ношу подходящую для тебя помаду просто так.

– Ладно, – я смотрю на нее в упор, – пойду одолжу у Морган. У меня есть планы на этот вечер, и если у тебя...

Эль вздыхает.

– Иди сюда, – приказывает она. – То, чем накрашена Морган, на тебе будет выглядеть ужасно.

Удовлетворенно кивнув, я прислоняюсь к раковине, спиной к зеркалу, и наблюдаю, как Эль вытаскивает из сумочки четыре разных помады. Затем она смешивает их на руке и наносит результат мне на губы одним пальцем. Эль – профессионал и перфекционист. Я знала, что у нее что-нибудь найдется.

– Годами ты заставляла меня заниматься грязной работой – отваживать всех интересующихся тобой парней, – говорит она, удерживая меня за подбородок, пока красит мне губы. – А теперь ты бегаешь за Эндрю Ричмондом. Не желаешь объяснить?

– Нет, не желаю, – резко отвечаю я. Могла бы, если бы захотела. Месяцами я составляла список причин, чтобы нарушить свое правило – ни с кем не встречаться – ради Эндрю. «Он меня смешит. Он объективно шикарно выглядит. Мы оба занимаемся бегом. Он предан тому, чем занимается. Он доказал, что у него есть цели, и старательно работает, чтобы их достичь. Я не хочу умереть девственницей».

– Все потому, что он свежая кровь? – продолжает она, не слушая меня. – Новичок среди популярных ребят. Он только что присоединился к команде, он – единственный из пар-

ней в школе, который не встречался с каждой блондинкой в окрестностях. Это интересно. И ты еще не провела с ним достаточно времени, чтобы понять: он такой же невразумительный, как остальные парни.

– Мы с Эндрю знакомы много лет, – огрызаюсь я. – Я бы знала, если бы он был «невразумительным». Так же, как знаю это про Джейсона. – Я бросаю на нее выразительный взгляд, который она игнорирует. – Эндрю... не такой.

– Насколько не такой? – настаивает Эль тоном, полным скепсиса.

Я не отвечаю сразу, потому что вспоминаю дождливый день в декабре, когда мы были в одиннадцатом классе. Сидели у меня в спальне, потому что наши мамы ужинали внизу, а мы не могли пойти на пробежку, когда с неба лил дождь. Мы делали уроки, и я паниковала из-за группового проекта, в котором меня объединили с Эбби Флейшман, которая приняла недопустимое решение – провести выходные в дурацком костюме на комиксном конвенте. Очевидно, что это было глупо и по проекту мы ничего не сделали. Еще пять минут, и я бы разразилась тирадой мирового уровня о сомнительных жизненных решениях Эбби, но тут Эндрю оторвал взгляд от учебника по истории.

– В мире голодают люди, Кэмерон, – сухо сказал он. – Ты переживешь.

Я моргнула, слишком выбитая из колеи, чтобы сердиться, и рассмеялась. А потом засмеялся Эндрю, и паника в груди

улеглась. Я заметила, что он милый, когда смеется. Заметила ямочку у него на правой щеке. Заметила, как загораются его глаза и от этого светится вся комната.

– Мы подходим друг другу. Вот и все, – говорю я Эль.

Она не отвечает.

– Если хочешь, чтобы я закончила красить тебе губы, – после паузы говорит она, – перестань улыбаться как дурочка.

Я не могу не улыбнуться еще шире. В ответ Эль щелкает меня по носу.

– Ну ладно, – она отступает на шаг, оценивая свою работу, – ты готова.

Каждое воспоминание о нас с Эндрю танцует у меня в голове – каждый разговор, каждая пробежка, каждая шутка. Каждый личный, идеальный момент. Почему я нервничала? Сегодня вечером мне не обязательно идеально выглядеть или идеально флиртовать. Все дело во мне и в нем.

– Готова, – отвечаю я, даже не проверяя свое отражение в зеркале. Эндрю знает меня лучше, чем все остальные, не считая ближайших подруг. Мне достаточно быть собой.

Глава 3

Я делаю глубокий вдох и ныряю обратно в клуб.

Чтобы пройти через толпу, приходится сражаться. У меня на пути футболист отвратительно трется о миниатюрную рыжую девушку. Я посылаю ему уничижительный взгляд, и он отодвигается от нее с пристыженным видом. Я ловко огибаю Сару Марко и Бена Нгуена, уже на полпути к третьей базе. Почти у самого лаунжа в опасной близости от моего лица проносится чей-то локоть.

Инстинктивно отшатнувшись, я разворачиваюсь к этому идиоту – и у меня расширяются глаза.

Пейдж Розенфельд *пьяна*. Она несуразно шатается, возвышаясь над девушками ниже ростом; вверх взметаются плохо покрашенные в рыжий волосы – потные и растрепанные. Она танцует со слаженностью жирафоподобного подростка под алкоголем. Уродливое желтое платье в обтяжку демонстрирует изгибы, о наличии которых я не знала. Обычно она ходит в школу, утопая в рюшах и кружевах, в очевидно и необъяснимо самодельных платьях. На моих глазах она едва не разливает напиток девушки поблизости; ее взгляд на мне не задерживается.

Трудно поверить, что она здесь. Пейдж Розенфельд не входит в довольно обширный круг людей, которые ходят на вечеринки Бомонта. Я не думала, что танцы, веселье или

контакт с людьми – в ее стиле. Она учится в Бомонте на стипендию. Не то чтобы принадлежность к небольшому числу детей, которые учатся на стипендию, была барьером для популярности, но у нее каждый месяц новая ужасная прическа, она носит неопишущую одежду, слушает ноющую депрессивную музыку... И что, вероятно, хуже всего, ее младший брат – Блевотный Брендан, который на протяжении всей средней школы блевал в столовой, в автобусе и на своих школьников, слишком часто, чтобы нравиться людям. Я начала звать его Би-Би – сокращение от «Блевотный Брендан» – и прозвище прилипло. Не понимаю, что Пейдж вообще тут делает.

Я получаю ответ на вопрос, когда на танцполе появляется Джефф Митчелл с двумя стаканами. Оба едва не разливаются на всех в радиусе полутора метров, когда Пейдж замечает его и бросается на шею.

Я стараюсь скрыть, что меня тошнит. Две встречи с Джеффом Митчеллом в один день? Меня, наверное, прокляли. Не могу представить, почему Пейдж, которая явно презирает «БМВ» и сумки «Биркин» наших одноклассников, заинтересовалась Джеффом. Если бы меня это хоть немного волновало, я бы попыталась выяснить. Но мне не интересно.

Краем глаза я замечаю, что Эндрю направляется на открытую террасу клуба. Оставив Пейдж крутить шашни, о которых она неизбежно пожалеет, я иду за ним. Терраса тянется вдоль всего клуба; на ней стоят современные стулья и

обогреватели, а еще бар с видом на город. Помимо шума из клуба, я слышу с улицы гудки и гул машин на Голливудском бульваре.

Мой взгляд притягивает мерцающая панорама центра Лос-Анжелеса. Скопление небоскребов, параллельные линии белых и красных огней фар на автострадах. Цвета образуют восхитительный контраст – яркие огни на фоне черного ночного неба.

Эта картина идеально подойдет для сайта, над которым я работаю. Я снимаю вид на телефон.

Терраса заполнена моими одноклассниками, и у всех в руках красные пластиковые стаканы. Пока я пробираюсь к перилам, меня окликают пара ребят из команды по водному поло.

– Хочешь выпить? – кричит Кайл Креттон, демонстрируя фляжку под спортивной курткой.

Я морщусь. Пусть все остальные девчонки пускают слюни на капитана команды по водному поло, меня *ни капельки* не интересует Кайл Креттон и его спрятанное бухло. Совершенный пресс и плавки – это, конечно, хорошо, но Кайл ничем не отличается от остальных парней, которым я отказала. Он спокойно прогуливает уроки ради пончиков и каждую пятницу заманивает младшекласниц на алкоголь. Он неинтересный. У него нет мотивации. Он не стоит усилий или риска.

– С тобой? – кричу я в ответ. – Ни за что.

Кайл морщится; остальные парни пихают его и орут «Сделала» и «Попал, чувак». Мне скучно, и я иду дальше.

Эндрю облокотился на перила балкона с панорамным видом; он – единственный здесь, кто не пьет украдкой и не глазеет на пьяных девиц. Он выглядит напряженно, как будто не знает, что делать. На нем все еще мятая футболка-поло команды Бомонта, ярко-зеленый цвет выделяется на коже. Я на секунду останавливаюсь, наслаждаясь зрелищем. Тем, как ткань обтягивает его мускулистые плечи; его короткой стрижкой-фейд с идеально выстриженными волосами вокруг ушей. Идеальной щетиной на подбородке.

– Эндрю Ричмонд, – окликаю я, подходя к нему. Уверенность мне идет.

Услышав мой волос, он явно немного расслабляется. Его губы изгибаются в легкой улыбке; взгляд не отрывается от панорамы.

Я облакачиваюсь на перила лицом к террасе.

– Нравится вечеринка? – спрашиваю я.

Он поворачивается ко мне, сводя брови. Он выглядит так, словно не уверен, снится ли ему это, или я сошла с ума.

– Что ты делаешь?

Он не критикует. В его голосе искреннее любопытство.

– Я думала, что разговариваю с новым начинающим футбольной команды школы Бомонт. – Я замечаю, как у него раздувается грудь от гордости, но доля света уходит из глаз. Облако пробегает перед луной, бросая на нас тень.

– Да, просто ты... – сбивчиво начинает он. – Обычно ты со мной не разговариваешь.

– Что? – Я наклоняюсь ближе, едва не соприкасаясь с ним плечами. – Сейчас мы общаемся.

– Но не... Понимаешь, – он качает головой в сторону клуба, – не на школьных тусовках.

Я чувствую вину от того, что должна признать: в его словах есть доля правды. Когда Эндрю впервые начал учиться в Бомонте, в середине шестого класса, он и его семья никого не знали. Его мама быстро подружилась с моей, объединенные любовью к «Холостяку³», который смотрели вместе с религиозным рвением. Мама Эндрю, Деб, приводила его с собой, когда мы оба были в шестом классе, надеясь, что мы подружимся. К тому времени когда мы уже выросли из вынужденного общения, он стал ее трезвым водителем.

В результате мы с Эндрю проводили вместе много времени в старшей школе – делали уроки, смотрели телик или просто разговаривали. Время от времени отправлились на пробежку.

Я не особенно замечала Эндрю, когда мы только начали общаться – только редкий, но острый юмор. У него не было собственного «Я». Его прическа-афро вечно менялась, оценки были средними, он не стремился разговаривать в группе и никогда не знал, кем хочет стать. Я не рассматривала его с точки зрения романтики, потому что он плыл по течению, и

³ Холостяк – реалити-шоу. – Прим. пер.

я не хотела рисковать такой связью. Если бы я решила с кем-нибудь связаться, то хотела, чтобы он стоил беспокойства, стоил той части меня, которую я собиралась отдать. Я выучила этот урок во время своих первых, неудачных отношений, в которых я приложила неприличное количество усилий, чтобы завоевать парня, не удосужившись задуматься, стоит ли он того. Он не стоил. Мы очень скоро расстались.

Затем Эндрю отрастил мышцы. Его не интересовал организованный спорт, но длинные ноги и гибкая фигура оказались идеальными для того, чтобы гонять мяч по полю.

Я заметила. Заметила потенциал.

Год намеков, и Эндрю наконец стал тренироваться регулярно и проявил инициативу, несколько недель назад пройдя отбор в команду.

Я кладу ладонь ему на руку, на которой проступают мурашки, несмотря на теплую голливудскую ночь. Он провожает мою руку взглядом до того места, где мои пальцы касаются сгиба его локтя.

– Теперь, когда ты в команде, думаю, наши круги общения будут... пересекаться, – говорю я, выразительно глядя на него.

Ему приходится сглотнуть, прежде чем ответить. Неудивительно, что у него слегка пересохло во рту. Когда он поднимает взгляд, равновесие к нему возвращается.

– Пересекаться? – ровным тоном говорит он. Зрачки расширяются, заполняя темные глаза. – Что конкретно ты име-

ешь в виду?

Позади нас раздается визг. Мы с Эндрю оглядываемся как раз вовремя, чтобы увидеть, как девушка отчаянно оттирает янтарное пятно с платья, пока двое парней из водного поло хохочут у нее за спиной. «Идиоты!» – кричит она.

Пора переместиться в более интимную обстановку.

– Иди за мной, и я тебе покажу, – шепчу я Эндрю на ухо и быстро отстраняюсь. Ощущая, как его взгляд прожигает мне спину, я направляюсь внутрь, слыша позади его шаги.

Эндрю нравится мне не потому, что он в команде. Он не такой, как парни, с которыми я отказывалась встречаться. Он умный и неизменно добрый. У него есть мотивация и талант. Я могу представить, что у нас с ним будет что-то настоящее, чего раньше представить не могла. То, что он попал в команду, стало последней необходимой деталью.

Я веду его мимо толпы, к вип-кабинкам в глубине. Они отгорожены бархатной веревкой, что, полагаю, означает: мы не должны туда заходить. Но никто не смотрит, мы далеко от танцпола, и клуб арендован целиком. Ничего не случится. Я отцепляю бархатную веревку и проскальзываю за занавеску. Внутри пусто, я разворачиваюсь и жду.

Считанные секунды спустя туда влетает Эндрю. Он смотрит на меня, а я на него. Я шагаю к нему, и его глаза раскрываются шире, когда я провожу ладонями у него по груди. Что бы он ни ожидал от сегодняшнего вечера, но точно не этого. В следующее мгновение я целую его, и, наконец пони-

мая, куда мы направляемся, он обхватывает меня за талию. У него талант, понимаю я.

Я тяну его за руку на диван и откидываюсь на подушки.

– Ты мне очень нравишься, Эндрю, – шепчу я, усаживая его рядом.

– Забавно, – он останавливается, почти касаясь моих губ. – У меня всегда было обратное впечатление. Мы много лет дружили, и ты никогда...

Я прерываю его долгим поцелуем.

– Но теперь я «за», – говорю я, прогоняя нетерпение из голоса. – Разве этого недостаточно? Мы можем еще поговорить, или... – Я опускаю руку к его ремню.

На этот раз он меня целует. В том, как его губы встречаются мои, нет ни тени колебания. Ничего, кроме сплетения языков и сильного желания. Я стягиваю с него футболку, изучая каждый миллиметр кожи руками. Он пропускает мои волосы сквозь пальцы, скользит ладонью по моей груди и выдыхает:

– Ты такая красивая.

Все идеально. Правда.

Пока позади Эндрю не раздастся грохот и на него не обрушивается что-то тяжелое. Он врзается лбом мне в нос; от боли у меня начинают слезиться глаза.

– Какого черта? – кричу я, резко поднимаясь и натягивая платье на грудь, на которой больше нет бюстгальтера. Эндрю выглядит не менее ошеломленно. Когда зрение возвращается ко мне после вспышки света из раскрывшихся занавесок,

я осознаю, что теперь с нами в кабинке есть третий человек.

Пейдж Розенфельд.

– Ты пьяная или просто тупая? – рывкаю я.

Если раньше она выглядела ужасно, теперь эта девушка представляет собой жалкое зрелище. Слишком густая тушь течет по щекам как черная паутина, кое-где сбившись в комки. Когда Пейдж подтягивается и неуверенно встает на ноги, держась за край дивана, на платье обнаруживаются самые настоящие сопли.

У меня в голове раздается голос отца: «Жалкое зрелище».

– Извините, – говорит Пейдж, отчаянно шмыгая носом. – Я не думала, что кто-то окажется настолько бесстыдным, чтобы трахаться в клубе за тонкой занавеской.

Я прищуриваюсь. Пейдж не так пьяна, как кажется. Какое она имеет право называть меня бесстыдной, когда сама вешалась на Джеффа у всех на глазах?

– Зависть тебе не идет, – кривлю губы я. – Что, с Джеффом не срослось? Почему бы тебе не закрутить с кем-нибудь таким же *жалким*?

Я в упор смотрю на Пейдж, но уголком глаза замечаю, как выгибает брови Эндрю. Возможно, у меня во взгляде заметна обида на ее разгромную рецензию на мое эссе. У Пейдж на глаза снова наворачиваются слезы.

– Я все думала... – говорит она дрожащим голосом, – наверное, ты в душе и правда такая ужасная, как себя ведешь.

Она выходит за штору, не позволяя слезам пролиться.

Я повожу плечами, отмечая оскорбление. Откинувшись за диване, кладу руку на сиденье, приглашая Эндрю.

– На чем мы остановились?

Он не двигается с места. Его губы изгибаются; Эндрю в недоумении.

– Ты хочешь продолжать после *такого*?

Я не сразу понимаю, о чем он говорит.

– Понимаю, она нам помешала, – говорю я, стараясь подерживать легкость в голосе. – Но я слишком долго ждала, чтобы позволить *Пейдж Розенфельд* все испортить. – Я сажусь, придерживая платье на груди.

Невероятно, но он не отводит взгляд от моего лица.

– Она явно расстроена. Не обязательно было ее обижать. – Его голос звучит мягко, но не без критики.

– *Ну простите*, – говорю я, все еще не веря, что мы до сих пор обсуждаем Пейдж. – Она *первая* меня оскорбила. Не заметил? Хотя, если честно, суть не в оскорблениях. Я просто не могу особо сочувствовать таким девицам, как Пейдж.

Я понимаю, что не слишком помогаю вернуть настрой, но это мои чувства, и я не собираюсь их подавлять, поэтому продолжаю:

– Она рыдает из-за того, что с каким-то уродом, которого она едва знает, не сложилось? Брось. Это правда жалко.

Я ощущаю разочарование, когда Эндрю надевает футболку.

– Знаешь, – говорит он, – ты очень красивая, и иногда, ко-

гда мы наедине, мне кажется, что ты того стоишь. Но правда в том... – он останавливается у входа, – ...что ты стерва, Кэмерон Брайт.

Занавески сходятся за его спиной. Я сижу в тишине. Меня удивляет то, насколько ранит это слово. Я никогда не слышала его от человека, который мне дорог, человека, слова которого могут причинить боль.

Однако я не буду плакать. Плакать – жалко. Это не поможет.

Никогда не помогало.

Глава 4

На следующее утро меня будит звонок телефона, испортив обычный субботний план поспать подольше. Я бросаю взгляд на экран – звонит Эль. Ощувив укол совести, я выключаю звук, и звонок переключается на голосовую почту. Надеюсь, ей понравилась ночь с Джейсоном, но прямо сейчас я не готова слушать откровенные подробности.

Встать.

Пойти на пробежку.

Разобраться с мамой.

Дел достаточно, чтобы поднять меня с кровати.

Мне больно из-за того, чем вчера все закончилось с Эндрю, из-за того, как он меня назвал. Мысль крутится на краю сознания, пока я застилаю кровать. То, что я наговорила Пейдж, прозвучало плохо – честно говоря, я могла бы быть повежливее. Но Эндрю меня знает. Он все поймет.

Или нет и я потеряла то, чего ждала целый год.

Сейчас я ничего не могу поделать. Только ждать.

Нужно пробежаться.

Я храню свое снаряжение для бега именно там, где мне удобно, как и все остальное в моей комнате. Пространство безупречно организовано, и я этим горжусь. У меня небольшая комната, не сравнить с огромными залами моих подруг,

и я регулярно слышу, как ругаются соседи за стеной. Краска облезает с кремовых стен, на которых я развесила дизайны сайтов, над которыми работаю. Но все на своих местах. Для каждого шарфа есть крючок на вешалке у двери, у каждой страницы с домашней работой – место на письменном столе. Каждый выпуск «Экономиста» по порядку выстроен на полке.

Я надеваю футболку беговой команды Бомонта, забираю кроссовки возле двери по пути в коридор и морщусь, как обычно.

Хотя в своей комнате я поддерживаю чистоту и порядок, моя мама поступает с остальной частью квартиры ровно наоборот. Я прохожу мимо ее комнаты, где пол завален горами белья, – чистого или грязного, определить невозможно. Она оставила несколько пар обуви в коридоре – розовые туфли на каблуках и балетки, которые опять сняла и не убрала на полку.

Я собираю обувь и отношу к ней в комнату. Взглянув на кровать, я к своему удивлению обнаруживаю, что одеяло откинута и в кровати никого нет. Обычно мама не встает раньше полудня. Я мысленно реорганизирую свой список.

Разобраться с мамой.

Сходить на пробежку.

Найти возможность побраться к ней в комнату и рассортировать белье.

Она оказывается за стойкой в крохотной кухне, где добав-

ляет какие-то специи в блендер. Мои надежды на то, что она выбралась из кровати ради чего-то продуктивного, рассеиваются, когда я вижу на ней халат и фольгу в волосах. Если она их осветляет, то много часов не выйдет из дома.

У нее такие же светлые волосы, как у меня, и на этом сходство заканчивается. У мамы округлое, пухлое лицо – как у молодой Рене Зельвегер, сказала бы она. В общем-то, она так и говорит. Я ловила ее перед зеркалом на копировании выражения лица с фотографий из «Джерри Макгвайр», открытых на телефоне. У меня же вытянутые, острые черты отца, его синие глаза и тонкие губы. Это единственное, что мне от него досталось, кроме оплаты обучения и подписки на «Экономист», которую, к его искреннему изумлению, я попросила на шестнадцатилетие. Это один из редких подарков на день рождения, который он мне подарил. Обычно его финансовый вклад в нашу семью ограничивается тем, что позволяет ему хорошо выглядеть перед коллегами.

– Это что, кайенский перец? – спрашиваю я у мамы, шнуруя кроссовки.

– Я пробую новый рецепт, – жизнерадостно говорит она. – Лимонад, кайенский перец и браунколь. Деб на этом сбросила семь кило! Кстати, – мама поднимает взгляд, как будто удивленная тем, что вспомнила, – Деб сегодня не придет.

– Постой, почему? – спрашиваю я, переставая завязывать шнурки. Не может быть, чтобы мама Эндрю отменила встречу из-за того, что он не хочет меня видеть. Правда?

– Она сказала, что родня мужа все еще в городе, – говорит мама, включая блендер, который начинает яростно жужжать.

Я с облегчением киваю. Я помню, как Эндрю говорил, что его бабушка и дедушка не могут улететь домой в Нью-Джерси. Наверное, хорошо, что в понедельник ничего не будет. Мысль о том, что придется сидеть в каменном молчании напротив Эндрю, пока наши мамы хохочут и перешептываются, обмениваясь сплетнями о школьном совете, в животе образуется комок, от которого меня избавит только пробежка.

Мама выключает блендер, и он со скрипом и заиканием останавливается. То, что машина еще работает, – небольшое чудо, учитывая что она была у мамы еще тогда, когда мой отец жил в Лос-Анжелесе, до моего рождения, и она подвергала его бесчисленным чисткам за прошлые восемнадцать лет.

Наверное, она замечает скепсис в моем взгляде, потому что смотрит на меня.

– Это не такая чистка, как другие, – говорит она и торжественно провозглашает: – Джаред Лето ею пользуется.

– Окей... – Я ставлю пятку на спинку дивана и нагибаюсь, растягивая подколенное сухожилие. – Но ты всегда начинаешь свои чистки, а через два дня сдаешься. Я просто не вижу смысла.

Улыбка мамы исчезает; она сурово хмурится, готовая обороняться. Это одна из основополагающих истин существования моей матери. За каждой улыбкой прячется неуверен-

ность.

– Я могу начинать и заканчивать чистки как захочу, Кэмерон, – возражает она. – Какое тебе дело?

– Никакого, – мрачно говорю я и меняю ногу, которую растягиваю. В этом мы различаемся. Моя мать все бросает. Сначала актерскую карьеру, мечту, ради которой она двадцать лет назад переехала из Индианы в Лос-Анжелес. Теперь это любая работа, которую она находит, – кейтеринг, стрижка волос или работа официантки. Наши жизни были бы другими, если бы не стало так трудно находить роли, когда ей исполнилось сорок. Но возраст в Голливуде не ценят, и мама не выдерживала постоянных отказов. Как только становится тяжело, она сбегает – на следующую работу... или на диван. Отказы ее парализуют. Я видела, как это происходит после бесчисленных прослушиваний, и видела, как это происходит на протяжении многолетних попыток заставить моего отца на ней жениться.

– Не у всех обмен веществ как у тебя, – продолжает она. – Прояви сочувствие к другим.

«Серьезно?» Я опускаю ногу, зная, что она не замечает: на мне спортивная одежда и я отправляюсь на десятикилометровую пробежку.

Вместо спора я меняю тактику.

– Что ты сегодня делаешь? – спрашиваю я, хотя халат и фольга уже отвечают на мой вопрос.

Мама быстро косится в сторону, подтверждая мою догад-

ку.

– Ты же знаешь, я ищу работу, – говорит она с явно натянутой беззаботностью.

Мне знакомо напряжение у нее в голосе, так что я решаю надавить.

– Да, но что с собеседованиями? Я могла бы помочь тебе искать...

– Нет, спасибо! – Она отворачивается, чтобы налить коктейль, все еще натягивая на лицо жизнерадостность. – Я пока не готова. На следующей неделе.

Со стаканом в руке она шаркает к дивану и опускается на него, накидывая на колени свой любимый плед с леопардовым рисунком и включая телевизор.

Я делаю глубокий вдох. В душе я знаю, что придется писать отцу и просить денег. Хотя он оплачивает нам квартиру – достаточно, чтобы жить в сорока минутах от школы, за которую он платит, но не ближе, – скорее всего, его не обрадуют письма с дополнительными просьбами. И я даже не могу его винить. Все было бы иначе, если бы мама искала работу. Но зачем ему помогать нам, если она даже не пытается помочь себе?

– Эй, – начинаю я, заранее понимая, что это ужасная идея, – как насчет школы актерского мастерства, в которой летом училась Морган? Уверена, что ты могла бы там преподавать.

– Преподавать? – вторит мне мама, не отводя глаз от экра-

на. – Учить этих избалованных детей? Нет уж, спасибо.

Я игнорирую укол в адрес моих друзей, хотя практически уверена, что он был намеренным.

– Но ты правда хороша в этом, мам. – Я присутствовала на многих прослушиваниях и видела достаточно репетиций, чтобы это знать. – Морган сказала, что ты первая отметила, как она часто использует подергивание губами. Я думаю, что будет здорово...

– Хватит, Кэмерон, – обрывает меня мама; голос снова становится жестким и капризным. – Я сказала, что не в настроении. Думаешь, мне нужно, чтобы мне каждый день напоминали, что я провалилась как актриса? Нет уж, спасибо, – повторяет она, на этот раз говоря «разговор окончен».

– То, что ты весь день сидишь на диване, тебе не напоминает? – огрызаюсь я, не в силах больше сдерживаться. В такие дни я ее ненавижу. Дни, когда я просто пытаюсь двигаться в завтрашний день, а она пытается никуда не двигаться. – Ладно, не пытайся. Дай мне знать, когда надо будет снова писать отцу и выпрашивать деньги.

Я хватаю ключи и направляюсь прямо к двери.

Каждый раз, когда мне хочется плакать, я бегаю. Слезы сначала достигают носа, а не глаз. Если постараться, можно подавить их, прежде чем они коснутся век. Нужно один раз вдохнуть ртом, а потом выдохнуть.

Со временем начнет получаться.

Я бегу в сторону, противоположную той, в которую обыч-

но бегаю с Эндрю, – вверх по холму и тротуарам. У домов в моем районе чугунные ограды, а на плакатах над ними – реклама стоматологов и доморощенных юристов. Я выбегаю на Шестую улицу, мимо «Чунмуро», ресторана, в который мы с мамой ходили в мой день рождения. Корея-Таун – не опасный район, нет ничего страшного в том, что я, семнадцатилетняя девушка, бегаю по улицам одна; просто это не лучший район. Он явно отличается от вылизанных тротуаров и идеальных газонов Беверли-Хиллз, где я бегаю с командой в будни.

Через пару километров я ускоряюсь, и боль в груди превращается из страданий в напряжение. Мама никогда не прикладывает усилий. Никогда. Даже когда я рассказывала ей, как страхи мне не по возрасту, – о медицинской страховке, об арендной плате, о том, как свести концы с концами, – сжимают мне горло, когда я расслабляюсь.

Я не хочу просить деньги у отца. Каждый раз, когда дела идут плохо, мама зависит от него. И за это нужно расплачиваться. Мало того, что приходится умолять, – когда отец решает приехать и посмотреть, как дела, все становится... хуже. Я не святая, но у отца вдвое меньше терпения. Он не очень хорошо относится к маме. У них много лет продолжают эпизодические отношения, большую часть времени отсутствующие, и даже проведенные ночи вместе, когда он в городе по делам, никак не ослабляют разрушительную критику, которой он ее осыпает.

Я спотыкаюсь о неровность на тротуаре, но удерживаю равновесие. То, что я сказал матери на прощание, – это чересчур, и теперь я чувствую себя виноватой. Я знаю, что правда может ранить, даже когда ее нужно услышать. А ей нужно. Она просто отказывается слушать. Каждый раз, когда я говорю, что ей не хватает мотивации и упорства, она сдается еще больше. Прилипает к дивану или целыми днями не выходит из засыпанной бельем спальни.

Мама никогда не думает обо мне. О том, что мне нужно от родителя. О беговых соревнованиях и днях открытых дверей, на которые она не приходила, о счетах, которые она игнорировала, – о том, что мне нужно, чтобы чувствовать безопасность и заботу. Я никогда не пряталась от истины в наших отношениях. Холодная и суровая реальность в том, что я для нее – просто источник доходов, повод выпрашивать у отца то, что она не хочет зарабатывать. За это я всегда буду на нее зла.

Мысль горит во мне как топливо, и я заставляю себя подняться на следующий холм. Я никогда не пойму, почему мама не пытается доказать отцу, что он неправ. Он называет ее ленивой и беспомощной, и она все принимает, а затем снова ставит себя в положение, где неизбежно это услышит. Это так меня бесит, что иногда я срываюсь и начинаю повторять жесткие слова отца.

Я останавливаюсь на углу Шестой и Оксфорд; в боку колет. Переводя дыхание, я достаю телефон из повязки на руке

и пишу имейл отцу.

От: c.bright@beaumontprep.edu

Кому: db@brightpartners.com

Тема: Кэрол

Извини за беспокойство. Ей снова нужна помощь. Прошло четыре месяца, а она даже не ищет новую работу.

Нажав «Отправить», я снова начинаю бежать. В такие времена я мечтаю жить с отцом. Однако он четко дал понять, что думает по этому поводу. Юридически он признает меня своей дочерью, но в его жизни нет места для такого рода отношений. Он дал мне понять свои твердые границы, когда мне было шесть, и я спросила, поедет ли он с нами в Диснейленд на мой день рождения. Он сказал, что слишком занят для такого.

Я никогда не забуду его точную формулировку: «*Такое*». Как будто все, что его дочь хотела, на что надеялась, в чем нуждалась, можно мимоходом сжать в «такое» и отместить.

Только став старше, я узнала, что «занят» – это не выдуманное оправдание. Он управляет фондом венчурного капитала в Филадельфии, в котором работает со всемирным портфолио инвестиций в технологию. Он окончил Уортон в числе лучших на курсе, и его фирма инвестирует в две сотни компаний с биржевой стоимостью в триллион долларов. В этом семестре я выбрала курс «Экономика на предпринимательском рынке», чтобы летом претендовать на стажировку в

его фирме. Хотя работать с отцом – не то же самое, что жить с ним, но хоть что-то. Это шанс последовать по его стопам, и, надеюсь, в направлении такого же успеха. Это приведет меня в его мир, если не в его жизнь.

Я не могу перестать желать этого. Я не наивна – и знаю, что он сволочь. Но другого отца у меня нет. Для матери я всегда буду инструментом по выкачиванию денег из него. Для него же я могу стоять больше. Нужно лишь заслужить его уважение.

Я бегу через перекрестки, мимо припаркованных машин, от Оксфорд до Олимпик. Я знаю дорогу домой наизусть. Наверное, я пробежала по каждому кварталу этого района с тех пор, как шесть лет назад отец переселил нас с мамой в нынешнюю квартиру – когда я пошла в среднюю школу Бомонт. Я пробегаю мимо двух ресторанов мантов, расположенных дверь в дверь; из них просачивается манящий запах. Кто-то нарисовал аэрозолем на стене портрет Сета Роджена, который мечтательно смотрит на кого-то – кажется, это должна быть женщина-Йода. Перед ним делают селфи три девушки.

Усталость приходит, когда я достигаю нарядной корейской баптистской церкви, но я продолжаю бежать. Почти в конце маршрута у меня жужжит телефон, и я резко останавливаюсь, шаркая кроссовками по тротуару. Я открываю почту и вижу сообщение от Челси Виндем – имя мне смутно знакомо. Это одна из личных ассистенток моего отца. Потому что, разумеется, Дэниэль Брайт редко пишет имейлы сам.

И никогда – своей дочери.

От: db_asst@brightpartners.com

Кому: c.bright@beaumontprep.edu

Тема: Re: Кэрол

Мистер Брайт сказал, что разберется.

Давление в груди ослабевает.

Вернувшись домой после еще нескольких километров, я обнаруживаю маму за компьютером; глаза у нее красные и опухшие. Хотя она не сняла халат, на экране – объявления о работе.

Мне не нужно спрашивать, что случилось. Я знаю. Отец *разобрался*. Он позвонил и пригрозил, что не даст денег на квартиру, если она не устроится на работу. Наверное, он сказал, что она жалкая и ей повезло быть достаточно красивой, чтобы провести с ним ночь восемнадцать лет назад. Наверное, он напомнил: как только я покину дом, ей придется разбираться со всем самой, так что лучше надеяться на меня, потому что больше о ней заботиться некому.

Я и раньше это слышала.

– Прости. Не знаю, что со мной не так, – говорит она, когда я прохожу мимо.

Я знаю, что происходит. Каждый раз, когда отец говорит, что ей придется от меня зависеть, мама начинает каяться, чего обычно не делает. Она знает, что если потеряет меня, то потеряет и крышу над головой. В глубине души мне хочется ответить ей какой-нибудь гадостью. Но хватает ума этого не

делать.

– Ничего. Просто постарайся, мама, – говорю я из коридора. – Постарайся доказать, что он неправ.

Я захожу в свою комнату с идеальным порядком, освобождаясь от от маминой неуверенности в жизни. Я не могу ее изменить, не могу все это контролировать. Все, что я могу сделать, – постараться не стать одной из тех, кто сдается перед трудностями. Кто позволяет другим диктовать свои правила.

Я стягиваю футболку, надетую поверх серого спортивного лифчика. Прежде чем кинуть ее в корзину для белья, я замечаю пятно от травы на рукаве и вспоминаю, как упала под дождем на плечо. Со мной бегал Эндрю. Он помог мне подняться, и мы пошли домой шагом, хотя дождь лил как из ведра.

«Ты стерва, Кэмерон Брайт».

Эндрю неправ, и я не стану просто сидеть и надеяться, что он передумает. Я не стану похожей на мать, которая ждет на диване, когда все наладится само собой. Я слишком сильно его хочу и покажу ему, какая я на самом деле. Я все для этого сделаю.

Глава 5

Бомонт Преп очень хочет стать одной из почтенных частных школ какого-нибудь Коннектикута или Нью-Хэмпшира. У нас есть герб, а деревянные столы в столовой придают школе исторический образ. Но мы находимся в Калифорнии, где историческое – не значит готическое или колониальное. Архитектура здесь в стиле испанской миссии: бежевые здания и крыши с красной черепицей. Униформы у нас тоже нет. И слава богу.

Я поднимаюсь по ступеням между тщательно подстриженными розовыми кустами по бокам от главного входа, получая не один восхищенный взгляд от одноклассников за свое облегающее платье-футболку. Я сделала пробор сбоку, и волосы падают мне на правое плечо. Я сразу направляюсь на первый урок.

Входя в класс этики, я мысленно окончательно определяюсь с планом. Мне нужно доказать Эндрю, что я – хороший человек. Я выжду, когда он сможет все видеть, подойду к Пейдж и принесу ей самые искренние извинения, какие только возможно. Нужно только дождаться четвертого урока, когда мы будем в одном классе. Эндрю поймет, что ошибся, и к концу дня мы будем встречаться.

Пока мистер Чен раздает сегодняшнее задание – мысленный эксперимент «проблема вагонетки», – я сажусь ря-

дом с Морган. Оборачиваюсь, проверяя, пришла ли сегодня Пейдж, и меня на мгновение охватывает паника, когда я ее не нахожу.

Пока не поднимает голову девочка на заднем ряду в черном платье до колена и потертых «конверсах». Пейдж перекрасила волосы в несколько менее отвратительный оттенок рыжего и обрезала их до неряшливого каре. Не представляю, зачем. Если она считает, что плохая стрижка привлечет внимание Джеффа Митчелла, ее ждет большое огорчение.

Она вытаскивает колготки в сетку из своей сумки с Hello Kitty и, к моему изумлению, принимается штопать огромную дыру на них прямо за партой.

– Скажи мне, что у меня нет губной лихорадки, – говорит мне Морган.

Я замечаю, что она прикрывает рот ладонью; отвожу ее руку и вижу скопление ярко-красных волдырей под нижней губой.

– У тебя нет губной лихорадки, – провозглашаю я, выполняя ее требование. Она скептически смотрит на меня. – Но с точки зрения правды – да, у тебя, похоже, герпес, – продолжаю я. – Чем вы с Брэдом занимались? Или чем *ты* занималась? Или...

– Кэмерон, – шипит она, хихикая. Пристыженно прикрыв рот, она легонько меня толкает. – Это *трагедия*.

Я слышу чье-то хихиканье позади нас. Не нужно проверять, чтобы догадаться – это Пейдж. В другой день ей бы за

это от меня досталось. Что за чушь! Вряд ли девчонка, которая выглядит, будто ей делал прическу Эдвард Руки-ножницы, может смеяться над шикарной Морган. Тем более учитывая что внешность является частью ее работы.

Но сегодня я делаю вид, что не заметила, и игриво толкаю Морган в ответ.

– Ты дружишь с одним из самых популярных экспертов по макияжу в мире. Думаешь, она не справится?

– Но...

– Никаких «но». – Я окидываю ее строгим взглядом. – Почему бы тебе не сосредоточиться на чем-нибудь поважнее – например, на проекте дизайна, который я тебе вчера прислала?

У Морган немедленно загораются глаза. Она отводит руку от рта и хватает меня за запястье. Морган любит хватать людей.

– Это потрясающе, Кэм! – восторгается она, и я ощущаю прилив гордости, хотя и так знала, что ей понравится. Проведенные выходные я посвятила тому, чтобы переделать дизайн профессионального сайта Морган с ее фотографиями и видео лучших сцен. – Ты могла бы заниматься этим профессионально. Серьезно, – добавляет она.

Я пожимаю плечами. Веб-дизайн – хорошее хобби. Но меня ждут Уортон и экономика.

– Не представляю, где ты этому научилась, – говорит она, качая головой. – Брэд наверняка захочет, чтобы ты переде-

лала сайт по инсценировке суда⁴.

– Только если он сможет доказать, что не заразил тебя герпесом.

На этот раз Морган хихикает вслух. Мистер Чен посылает ей неодобрительный взгляд. Я наклоняюсь, чтобы достать учебник этики из сумки, и нечаянно встречаюсь взглядом с Пейдж. Ее глаза полны гнева. Всего через пару часов я буду извиняться перед ней, хотя уже понимаю, что она не примет извинения с благодарностью.

Но и просить прощения я собираюсь не ради нее.

Потом у меня экономика и высшая математика, а после этого, перед четвертой парой, мы с Эль возвращаем Морган к нормальному виду с помощью аварийного консилера. Все утро я не пересекаюсь с Эндрю – жаль, учитывая, сколько усилий я вложила в свой внешний вид, но, наверное, это неудивительно. Он был прав, когда напомнил, что мы никогда не общались в школе. Я даже не знаю, где находится его шкафчик.

Я прохожу мимо фонтана во внутреннем дворе школы, где президент школьного комитета, Лиза Грэмерси, рекламирует зимний бал этого года, который пройдет на яхте ее отца. Лиза мне нравится, но сегодня я ее игнорирую. Я едва дожидала до четвертой пары. Наконец у меня есть шанс исправить то, что я испортила в отношениях с Эндрю.

⁴ Инсценировка суда – дополнительные занятия в некоторых школах и вузах, на которых учащиеся имитируют судебное слушание. – *Прим. пер.*

За всю историю вселенной я ни разу не приходила на литературу заранее. Мисс Ковальски смотрит на меня с неприкрытым удивлением. Через несколько минут входит Эндрю, и я ощущаю знакомый жар, расплзающийся по щекам. Этот парень выглядит *роскошно*.

Не знаю, возможно ли, чтобы человек стал выглядеть объективно лучше за выходные, или дело в воспоминаниях о нашей недавней романтической встрече, но в нем что-то изменилось. Не то чтобы на нем надето что-то особенное – просто джинсы, черные кроссовки «Адидас» и черная футболка – но в нем есть непринужденная легкость, которая просто... заводит. Он выглядит как молодой Джон Ледженд. Отвести глаза оказывается очень трудно.

Следом за ним появляется Пейдж и тем самым портит мою зачарованность Эндрю, потому что мир не прощает ошибок. Встретив мой взгляд, она прищуривается. Я не принимаю вызов. Вместо этого притворяюсь, что читаю написанное на доске позади нее – инструкции мисс Ковальски для нового задания, с которым нам предстоит мучиться следующие шесть недель.

И это Шекспир. «Укрощение строптивой». Замечательно. Ненавижу этот урок. И литературу. Она нелогична. По идее, ты должен погрузиться в разум персонажа, чтобы пропустить через себя его мир и мысли, но писатели делают все, что могут, чтобы помешать этому. Образный язык, символы, размер и рифма – все то, о чем мы пишем сочинения, – толь-

ко делает суть книги еще более непонятной. Правда не становится правдивее, если излагать ее метафорами и метонимией. Это глупо. За исключением Хемингуэя, которого мы читали в девятом классе углубленного изучения. Он оказывал своим персонажам услугу, описывая их настоящие эмоции. Жаль только, что все они – нытики и неудачники.

Стоит признать, что персонажи Шекспира не такие. Они просто любят злоупотреблять цветистыми формулировками, всякими *отсель* и *аки*. Персонажи – и люди, кстати, – должны говорить прямо и понятно.

Мисс Ковальски просит Эндрю раздать глоссарий шекспировского английского. Я пытаюсь поймать его взгляд, пока он разносит стопку по моему ряду. Он демонстративно отказывается даже смотреть в мою сторону. Это обидно. Неделю назад мы на пробежке вместе смеялись над количеством французских бульдогов, попадавшихся нам по дороге (их было семь). Три дня назад он засовывал руку мне под лифчик. Теперь он даже не смотрит на меня.

Пока Ковальски объясняет задание, я не могу не оглянуться на него через плечо и даже прибегаю к тактикам «уронить ручку» и «притвориться, что поправляешь волосы». Как только Ковальски дает нам время почитать вслух в группах, я взлетаю со своего места и иду к Пейдж, прежде чем она успевает найти себе партнера.

По пути я намеренно прохожу рядом с партой Эндрю. Край моего платья смахивает его бумаги на пол. Я подбираю

их и кладу ему на парту, но не задерживаюсь. Пока он еще на меня смотрит, я иду к Пейдж.

Итак... поехали.

– Привет, Пейдж, – начинаю я демонстративно добрым голосом, как разговариваю с матерью, когда она впадает в депрессию и не выходит из спальни. Пейдж настороженно поднимает голову. Прическа у нее действительно кошмарная. – Я должна извиниться перед тобой за пятницу, – продолжаю я, покосившись на Эндрю, который склонил голову в нашу сторону, хотя его партнер громко зачитывает первые строки пьесы.

– Пра-авда? За что? – с непроницаемым лицом спрашивает Пейдж.

Мгновение я оцениваю ее. Пейдж не перестает удивлять. Я знаю, что она делает, – заставляет меня повторить свои слова. Однако теперь не время для мести. Я делаю глубокий вдох и заставляю свое лицо выразить сожаление.

– Ты не заслужила того, что я наговорила, – продолжаю я. – У тебя явно был трудный вечер... – *Мягко говоря.* – ...и мне жаль, что я сделала его еще хуже. – *Настало время разыграть карту уважительной причины.* – У меня тоже день не задался. Честно, моя мама потеряла работу. Я не оправдываюсь, – поспешно добавляю я, – просто надеюсь, что ты меня простишь.

Эндрю начинает улыбаться. От прилива радости мне приходится прикусить щеку изнутри, чтобы не начать улыбаться

посреди искренних извинений. Сработало. Эндрю смотрит на меня так же, как раньше. Я чувствую...

– Почему ты извиняешься сейчас? – Голос Пейдж вырывает меня из мира фантазий.

Я снова поворачиваюсь к ней и обнаруживаю, что она пристально на меня смотрит. После секундной паузы я отвечаю, все еще держа себя в руках:

– О чем ты?

– Ты видела меня на первом уроке. Почему тогда не извинилась?

Радость испаряется и сменяется гневом. Мгновение я не могу справиться с эмоциями, отразившимися на лице. Я прекрасно понимаю, куда она ведет: не только я знаю, что Эндрю наблюдает. Сузив глаза, я чувствую, как раздуваются ноздри.

– На этике не было свободного времени. Я ждала подходящей возможности, – выдавливаю я.

Пейдж раздражающе ухмыляется.

– Но у тебя было время даже обсудить *трагедию* герпеса твоей подружки.

Я не знаю, что ответить. Нет, знаю, конечно: в другой ситуации я бы сказала, что помощь друзьям в чем бы то ни было гораздо важнее, чем извинения перед девчонкой, которая только и делает, что сверкает на меня глазами. Однако я знаю, что Эндрю наблюдает, и сдерживаю ответный укол.

Понимая, что теряю позиции, я в отчаянии говорю:

– Я хочу исправить ошибку.

Пейдж откидывается на спинку стула, скрещивая руки на груди. Она явно довольна собой.

– Ты имеешь в виду исправить ошибку, пока на тебя смотрит Эндрю Ричмонд, – говорит она, и у меня вспыхивают щеки. – Потому что я не могу найти другую причину, по которой ты не могла извиниться на первом уроке или даже на перемене. Ты не обманешь меня своим обаянием и идеальными белокурыми волосами, Брайт. – Ее голос становится низким и злым. – Я тебя насквозь вижу. А теперь, полагаю, и Эндрю тоже.

Ее губы изгибаются в ядовитой усмешке. На мгновение это почти производит на меня впечатление.

– Полагаю, это означает, что ты не принимаешь мои извинения.

Мне приходится прикладывать все силы, чтобы спокойно выговорить эти слова.

– Правильно полагаешь, – кивает Пейдж.

Мы смотрим друг другу в глаза. Затем я разворачиваюсь. На пути к своей парте я замечаю, что Эндрю смотрит на меня, даже не утруждаясь это скрыть.

Совсем недавно я бы все отдала за то, чтобы ощутить на себе его взгляд. Теперь я бы все отдала за то, чтобы стереть из него отвращение.

Глава 6

Во время обеда на патио я сижу между Эль и Морган. Эль пытается наверстать домашнее задание по истории, а Морган без интереса ковыряется в салате из браунколя.

– Я не понимаю, – ворчу я. Морган кивает. Эль поднимает голову в знак сочувствия, а затем возвращается к работе. – Я знаю, что ему нравлюсь. Нравилась с девятого класса. А теперь он списывает со счетов, считая стервой?

Я жду подбадривания. Сегодня после катастрофической попытки извиниться я пыталась поговорить с Эндрю. Он даже не посмотрел на меня. В коридорах уходил в другую сторону. Не идет на контакт. Честно говоря, меня это бесит. Не знаю, почему он считает, что имеет право меня осуждать, – как будто он лучше меня и никогда никого не обижал в гневе. Как будто он идеален. Если бы он мне так сильно не нравился, я бы высказала ему все, что думаю.

Морган только кивает и косится на бургер на тарелке Брэда. Тот изучает свои ногти, но я знаю, что он слушает.

– Если он не видит, что ты ни капельки не стерва, он того не стоит. Какая вообще разница, что он думает? Не позволяй чужому мнению вставать у тебя на пути, – говорит наконец Эль, с коротким вздохом закрывая учебник. – Я никогда это не доделаю.

– Брэд... – Морган с намеком смотрит на его тарелку. Он

закатывает глаза и двигает бургер в ее сторону. Морган с довольным видом хватается за него и поднимает на меня взгляд.

– Мы твои друзья, Кэмерон. Если бы ты была стервой, мы бы тебе сказали.

Я киваю, но меня это не убеждает. Мои друзья не понимают, что я расстроена не только из-за парня. Эндрю – мой друг... вернее, был другом, и осознавать это больно. Он знает меня так же хорошо, как Морган и Эль, и я не могу просто игнорировать его мнение. Если бы Морган или Эль считали меня стервой, я бы тоже хотела доказать им, что это не так. Мне было бы *необходимо* доказать им, что это не так. Иначе я бы стала как моя мама, которая даже не пытается доказать, что отец не прав в своей критике.

Эль засовывает тетрадь в свою сумку «Прада», а потом смотрит на Брэда, как будто что-то вспомнила.

– Ты мне нужен для видео, – заявляет она.

Это привлекает его внимание. Он вскидывает голову, широко раскрыв глаза:

– Мы это уже обсуждали, – говорит он тоном, пугающе похожим на голос его отца. – *Нет*. Найди себе модель, или актера, или еще кого-нибудь.

Эль умоляюще складывает руки на столе.

– Но ты такой красивый!

Морган фыркает. Эль продолжает:

– Мне *необходимо* видео про мужской макияж...

Я перестаю слушать, как она уговаривает Брэда; мои мыс-

ли заняты вопросом Эндрю. Я не могу позволить ему плохо думать обо мне. Это как с синяком, на который периодически нажимаешь в надежде, что он зажил, но взамен получаешь новую волну боли.

После звонка я иду на информатику; она проходит в недавно переоборудованном здании наук и технологий, которое спонсировала чья-то мать пару лет назад. Изгибы нержавеющей стали на здании Фрэнка Гери⁵ выделяются на фоне отштукатуренных арок школы, поэтому наш кампус выглядит, честно говоря, круче, чем 90 процентов кампусов колледжей по всей стране.

В начале года я боялась записываться на информатику для продвинутых. Я думала, что мой средненький опыт в веб-дизайне не сравнится с умом кучки гениев-стипендиатов. Однако я держусь на уровне. Кодирование требует творческого подхода, но это четкая и организованная работа. Если не допускать ошибок и не отвлекаться, все будет хорошо.

Передо мной в кабинет входят Эбби Флейшмен и Чарли Ким, погруженные в оживленный разговор. Я слышу слова «паладин» и «гвардия орков-рыцарей» и сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. Не понимаю, почему Эбби и Чарли тратят время на компьютерные игры, хотя они достаточно хорошо разбираются в программировании, чтобы создавать приложения и кодировать операционные системы.

Я сижу в дальнем левом углу класса – там легче игнориро-

⁵ Фрэнк Гери (род. 1929) – выдающийся американский архитектор. – *Прим. пер.*

вать всех, кроме учителя, и сосредоточиться на собственной работе. Изнутри кабинет информатики производит не меньшее впечатление, чем снаружи. Под высоким потолком стоят ряды широкоэкранных «аймаков» и ужасно уродливых, но невероятно удобных стульев в сеточку. На доске – задание, которое я доделала в пятницу.

Идеально. По дороге с обеда я решила, что буду делать с проблемой Эндрю. Нужно действовать прямо.

Пока остальной класс открывает Python, чтобы закончить писать игру в виселицу, я захожу на школьную почту – я не стала бы использовать ее, чтобы писать длинное письмо объекту своего обожания, но школа блокирует доступ к «Фейсбуку» и «Джимейлу» на школьных компьютерах, а я не хочу попасться с телефоном в классе.

«Дорогой Эндрю», – начинаю я. Нет. Слишком официально.

Я оставляю только «Эндрю», а затем пишу от чистого сердца. «Надеюсь, что ты дашь мне шанс объясниться. Не знаю, почему все так быстро запуталось, но ты для меня важен, даже просто как друг. Я надеюсь, что ты дашь мне второй шанс...

Меня прерывает твердый хлопок по плечу, как будто я кого-то взбесила.

– Ты должна работать над заданием с пятницы, – слышу я низкий голос.

Надо мной стоит Блевотный Брендан – нет, нависает, по-

тому что в нем два метра роста. То, как он на меня смотрит – со смесью безразличия и напористости в карих глазах – пугает, напоминая о том, как пару часов назад на меня смотрела его сестра. Он на год младше Пейдж, такой же нечеловечески высокий и кудрявый. У него русые, а не рыжие волосы, а еще, в отличие от тощей сестры, широкие плечи и признаки мышц на руках. В альтернативной вселенной он был бы симпатичным, если игнорировать его социальный статус. Он – ассистент преподавателя по информатике, потому что сдал экзамен для продвинутого класса на сто процентов еще в десятом классе.

– Что-что? – переспрашиваю я, отвлекшись на его футболку. На ней картинка по образцу «Эволюции человека», но изображающая четырех роботов с подписями: «далек», «r2-d2», «сайлон» и «борг». Почему-то в конце нарисована сексуальная блондинка и тоже подписана как «сайлон».

– Задание, – повторяет он.

– Я сделала его в пятницу, – я возвращаюсь к своему имейлу, – но спасибо, Би-Би.

Прежде чем я успеваю написать еще пару слов, он протягивает руку, закрывает «Сафари», и черновик стирается. Я возмущенно моргаю.

– Эй! Это еще почему?

– Если ты сделала задание, нужно его сдать и начать работать над сегодняшним, – говорит он почти монотонно и уходит в другой конец класса. Мне остается только сидеть,

разинув рот. Мы с Би-Би редко разговаривали за прошедшие годы, в основном потому, что он избегает людей – так же, как Эль избегает плавания.

Я не знала, что он умеет командовать. Это бы произвело на меня впечатление, если бы я так не бесилась.

Ну и ладно. Я жду, пока он не займется кем-нибудь другим, а потом снова открываю имейл, чтобы заново написать Эндрю. Вместо этого я нахожу новое входящее письмо.

От: db_asst@brightpartners.com

Кому: c.bright@beaumontprep.edu

Тема: Re: Re: Кэрл

Дорогая Кэмерон, мистер Брайт организовал для твоей матери работу официантки в ресторане одного из его партнеров. Она выходит с понедельника. Не стесняйся писать мне, если снова возникнут какие-то трудности!

Всего наилучшего, Челси

Мне приходится сдерживаться от печального смеха. Я думаю, не написать ли в ответ: «Да, Челси, у меня есть другие трудности». Мне придется убалтывать маму, чтобы она не прыгнула с крыши от перспективы позорной работы, подкинутой бывшим. Возможно, я потеряла единственного парня, который видел во мне что-то кроме хорошенького личика. И было бы хорошо, если бы мой отец хотя бы притворялся, что его заботит дочь, и мне не пришлось бы верить в сказанные обо мне гадости.

Конечно, он никогда этого не поймет.

Вместо письма я закрываю имейл и сдаю задание. Когда звенит звонок, я выбегаю за дверь напрямиком на тренировку – и не останавливаюсь.

Глава 7

Я нашла шкафчик Эндрю. Достаточно было сделать комплимент впечатлительному десятикласснику из футбольной команды, чтобы узнать, в каком он коридоре, а потом потратить весь обед в среду на то, чтобы выждать и подсмотреть, к какому шкафчику подойдет Эндрю.

Я сбегая с математики на пять минут раньше, сославшись на боль в животе, и незаметно жду в конце коридора. Вчерашняя разведка показала, что он остановится у своего шкафчика перед литературой. Я вытаскиваю письмо из сумки и нервно вожу пальцами по краю, нащупывая мягкий сгиб бумаги.

Написать письмо.

Найти шкафчик Эндрю.

Доставить письмо.

Вчера я много часов потратила на то, чтобы его написать. В понедельник я решила, что имейл не подойдет, а во вторник у меня был ступор. Но я не сдаюсь так просто. Люди, которые сдаются, не заслуживают того, чего хотят. Люди, которые сдаются, заканчивают как моя мать.

А люди, которые идут к цели, становятся как мой отец. И хотя я живу с мамой, но делаю все, чтобы не повторять ее путь. Даже в Голливуде – городе, практически построенном

на разбитых мечтах, в школе Бомонт, полной начинающих во всех профессиях, я оставалась на периферии славы и фантазий. Я предпочту мучиться с непонятными, часто невозможными домашними заданиями по «экономике на предпринимательском рынке» в надежде заработать практичную стажировку, чем окажусь на диване ни с чем, кроме несбывшихся грез.

Дочитав три статьи из «Экономиста» к уроку, я написала письмо Эндрю. Я засиделась допоздна, объясняя, что произошло в тот вечер, когда я наорала на Пейдж, как я испугалась, потому что у меня не было отношений, которые были бы мне дороги, и как я нервничала, что он не хочет меня так же, как я хочу его. Я писала, как провалила извинения перед Пейдж, потому что запаниковала, и как много значит для меня его дружба. Я трудилась до двух часов ночи и дважды переписывала письмо. Когда Эндрю его прочтет, то поймет, насколько я *не* стерва.

Звенит звонок. Я слышу обрывки разговоров проходящих мимо людей – зимний бал, волонтерские проекты, свидания и разрывы. Я просто стою и смотрю на шкафчик Эндрю с тревожным нетерпением, какого не испытывала на кампусе с девятого класса.

В идеале я хочу вручить ему письмо лично. И не на литературе. Пейдж наверняка будет надоедливо пялиться и все испортит. Но когда минуты истекают, а Эндрю не видно, я признаю, что придется засунуть письмо в шкафчик. Он про-

читает его сегодня, так или иначе. Я подхожу к шкафчику и начинаю засовывать письмо под дверцу – и, конечно, в этот момент замечаю приближающуюся ко мне широкоплечую фигуру.

Наши взгляды встречаются, и он отводит глаза, разбивая мою надежду на примирение. После секундной паузы он подходит к шкафчику, избегая смотреть мне в лицо.

– Ты даже не дашь мне возможности объясниться? – спрашиваю я, усилием подавляя возмущение в голосе.

Он забрасывает в шкафчик свои бутсы и вынимает толстый учебник по классической философии.

– Кэмерон, прямо сейчас меня не особо интересуют объяснения, – говорит он устало.

Затем громко захлопывает дверцу и проходит мимо меня. Мне не остается ничего, кроме как идти следом, поскрипывая подошвами «Найков» по линолеуму.

– Но в пятницу ты хотел быть со мной! – возражаю я. – Признаю, я поступила плохо, но ты меня знаешь... – Мне трудно угнаться за его широкими шагами. – Ты знаешь, кто я такая. Мы с тобой вместе бегаем, вместе смотрим плохие фильмы по МТВ и...

– Кэмерон, – разворачивается он ко мне. – Ты нравилась мне практически с того дня, как мы познакомились.

Я чувствую, как на губах расцветает улыбка. Но взгляд Эндрю слишком жесткий.

– Но ты захотела встречаться со мной только после того,

как я прошел какой-то тест на популярность.

Моя улыбка тает.

– Не знаю, увидела ли ты меня в новом свете после того, как меня приняли в команду, или всегда хотела со мной встречаться, но решила, что можешь, только когда меня приняли. Не знаю, что хуже. В любом случае я не хочу быть с тобой.

Я открываю рот, чтобы возразить, но он перебивает меня:

– Я бы хотел верить, будто под всем этим ты хорошая, добрая или что-то такое. Но сейчас у меня нет для этого причин.

Отвернувшись, он уходит в класс, не оставляя мне шанса защититься. Как будто знает, что защищаться нечем.

Я могла бы сейчас сбежать в туалет. Могла бы спрятаться в кабинке, вместо того чтобы идти на урок. Но через сорок три минуты я бы просто вышла из этой кабинки, зная, что рано или поздно мне придется смотреть ему в лицо.

Я иду в класс.

Когда мы расселись, Ковальски поднимает свой том «Укрощения строптивой».

– У всех вас была возможность переварить первые два акта, – говорит она, обводя нас многозначительным и несколько угрожающим взглядом. – Давайте обсудим главную героиню, строптивую, – Катарину. Как относится к ней Шекспир?

Усевшись за стол, она вызывает сидящую перед ней девочку.

Я не слушаю, что говорит Лиза Грэмерси. И когда Коваль-

ски вызывает кого-то еще, его я тоже не слушаю. Дискуссия продолжается, но я смотрю в тетрадь. Я где-то сделала ошибку – не могу не признать. Может, мне следовало пойти к нему домой и поговорить там? Или выжать в коридоре пару слезинок. На самом деле, надо было затащить его в «Скаре» в комнату с дверью. Если бы Пейдж не смогла зайти, ничего этого бы не случилось.

Я оглядываюсь через плечо на нее – девчонку, которая все испортила. Пейдж замечает, что я за ней наблюдаю, и бросает мне язвительный взгляд, закрывая обложку книги так, что видно только слово «строптивая». С ухмылкой она кивает в мою сторону.

Я возвращаюсь к своей тетради. Я слишком устала даже для высокомерной гримасы. На открытой странице я записала свои идеи по возвращению себе Эндрю:

Извиниться перед Пейдж у него на глазах, написать ему имейл, написать настоящее письмо...

Каждое из них теперь вычеркнуто. Но я никогда не сдаюсь, и, конечно, в этом случае тоже не сдамся. Эндрю – не просто парень, с которым я могла бы встречаться. Он *идеальный*. Воплощает все мои мечты. Мы *подходим* друг другу. Я включила его в свои планы с бесчисленными списками целей на двенадцатый класс.

Дискуссия в классе кажется пустым шумом, на фоне ко-

того я смотрю на тетрадь, пытаюсь выжать новую идею.

– Эндрю, – слышу я вдалеке голос Ковальски, и его имени достаточно, чтобы я подняла голову.

– Конечно, с ней плохо обращаются, – говорит Эндрю, – но у меня не получается ей всерьез посочувствовать. Независимо от того, какой она показана, Кет не дает аудитории причин считать, что в душе она не такая ужасная.

Я моргаю; его слова, сказанные всего несколько минут назад, все еще отдаются у меня в ушах. Я не могу не заметить знакомую формулировку. *Я бы хотел верить, будто под всем этим ты хорошая, добрая или что-то такое. Но сейчас у меня нет для этого причин.* Я выпрямляюсь на месте, внезапно заинтересовавшись дискуссией.

Эль не ждет, чтобы ее вызвали для ответа:

– Тебе просто не нравится, что Кет не подчиняется давлению патриархального общества, – говорит она бескомпромиссным тоном, со смесью страсти и отвращения на лице. – Она не должна отказываться от себя ради какого-то парня или из-за того, что все ждут, когда она найдет мужа.

– Именно, – невольно говорю я. Ковальски переводит на меня взгляд. Я редко участвую в дискуссии на этом уроке, но меня подстегивает то, сколько раз я уже услышала от Эндрю, что недостаточно хороша. – То, что она не соответствует твоим – или Петруччио – представлениям о благонравной женщине, не значит, что она обязана измениться.

Кажется, Эндрю удивлен, что вызвал такую сильную реак-

цию. Он поднимает руку и ждет, пока Ковальски не кивнет, разрешая ему ответить.

– Это никак не связано с женской благонаправностью, – возражает он, принимая напряженную, обороняющуюся позицию. – Вы что, искренне считаете, что разбивать лютни о головы и оскорблять людей на каждом шагу допустимо для кого угодно, независимо от пола?

Я бросаю взгляд на открытую страницу книги, перечитывая. Баптиста критикует Катарину за то, что она оскорбляет людей, которые не заслужили ее гнев. *Ты от нее обиды не видала. Хоть слово слышала наперекор?*⁶ С неожиданным жжением в груди я понимаю, что происходит. Это можно было бы сказать про меня – про то, как я обращалась с Пейдж в тот вечер, и как обращалась со всеми, кто меня бесит. Несомненно, я похожа на Кет.

– Речь даже не о муже, – продолжает Эндрю. – У Кет не было бы *друзей*, если бы она продолжала так себя вести. Я бы не стал проводить с ней время. Ей повезло, что Петруччио ей помогает...

Раскрасневшаяся Эль перебивает его:

– То есть *укрошает*, как будто она – животное!

Эндрю поворачивается к Ковальски, отказываясь отвечать Эль напрямую.

– Так ли плохо быть *укрощенной*, – он косится на Эль, делая акцент на последнем слове, – когда ты от этого стано-

⁶ Здесь и далее «Укрощение строптивой» в переводе М. Кузмина. – Прим. пер.

вишься лучше как личность?

Эль неодобрительно фыркает, но к тому времени как она снова начинает говорить, дискуссия ускользает из моего внимания. Эндрю сказал, ему нужно увидеть, что в душе я хорошая; теперь же он утверждает, что трансформация Кет искупает ее вину. Я открываю тетрадь на чистой странице и начинаю записывать идеи, которые мелькают в голове.

Если он может принять Катарину после перемены, то примет и меня. Единственное различие – в том, что я не буду ждать, пока Петруччио, или какой-то *парень*, меня «укротит».

Я сама это сделаю.

Глава 8

Впервые в жизни я решаю проявить себя на литературе.

Я направляю в это каждую каплю своего гнева за обидные и высокомерные слова Эндрю в стремлении доказать, что он не прав. Я читаю пьесу целиком, подыскивая идеи в каждой строчке. Продираюсь через архаичные словечки, не говоря уже о сотнях чрезмерно замысловатых и закрученных фраз вроде «пусть глаза мои будут свидетелями» вместо «я посмотрю сам».

Проблема в том, что все методы, которые Петруччио использует, чтобы укротить Катарину, ужасны.

Даже если игнорировать физические последствия, голодание или лишение сна вряд ли сделает меня *добрее*. Я отбрасываю книгу и пытаюсь думать самостоятельно. Если бы Катарина работала над тем, чтобы стать лучше, что бы она сделала? Ответ очевиден: прежде всего, относилась бы к людям добрее. Это легко.

И слишком долго. Если я буду открывать двери перед входящими и хвалить их прически или что-нибудь еще, со временем это может привлечь внимание Эндрю. Но сколько месяцев таких жестов доброты потребуется?

Мне нужно что-то большее. Что-то способное привлечь его внимание, чтобы при этом я произвела хорошее впечатление... ну, и помогла другим. Я перебираю десятки вари-

антов.

Только когда в точности вспоминаю сказанные Эндрю в классе слова, у меня начинает формироваться идея. Он упомянул, как Кет разбила лютню о голову учителя. А если бы хотела искупить вину, то могла бы извиниться. Но извинения не исправляют настоящий вред, и, как я узнала из недавнего личного опыта, их трудно сделать достаточно искренними, чтобы добиться результата. Кет пришлось бы перевязать раны учителя и заменить его разбитую лютню новой, прежде чем окружающие признали бы, что она изменилась.

Вот оно.

Одних извинений недостаточно. Но я не буду исправлять ситуацию *словами*. Я искуплю вину перед людьми, которым причинила вред. Идеально. Большие жесты куда более заметны, чем простые комплименты и вежливость. Не понадобится много времени, чтобы Эндрю услышал о том, что я делаю, и тогда он поймет: я изменилась, как Катарина.

Хотя я предпочла бы этого избежать, придется начать с Пейдж. Даже если она мне особенно не нравится, Эндрю не поверит, что я изменилась, пока я не подлизусь к ней. Проблема в том, что у меня нет ни малейшего представления, что бы я могла для нее сделать.

* * *

Всю следующую неделю я хожу за Пейдж по пятам, на-

десять найти подсказку. Я подслушиваю ее разговоры в коридорах, листаю прошлогодний альманах⁷, выясняя, на какие факультативы она ходит, и слеую за ее передвижениями во время обеда. Пока мои друзья сидят на патио за нашим обычным столом, я говорю, что работаю в библиотеке, а на самом деле наблюдаю за Пейдж и ее друзьями в столовой. Никто не замечает.

Но у меня не получается ничего найти. Пейдж ни разу не жаловалась о том, что заваливает какой-то предмет, или что ей нужна помощь с каким-нибудь проектом, а значит, я не могу помочь ей в учебе. Я думала, что смогу вступить в один из ее клубов и тем самым повысить его статус, но как это ни поразительно для ученика Бомонта, она не участвует ни в одном школьном факультативе. И несмотря на ее относительное отсутствие популярности, она проводит обед с приличной группой друзей, которые, судя по всему, ее обожают.

Прошлой ночью я на минуту обрадовалась, вспомнив, что читала ее эссе. Я сломала голову, пытаюсь вспомнить детали, – но вспомнила мало. Стоит признаться, тогда оно меня не особо интересовало. Но я все же вспомнила: она писала, что не может быть собой, ведь ей вечно приходится переживать за других людей. В нем было что-то о травле, о том, как трудно смотреть на нее и не суметь помочь. Ничего особенного. Ничего, что я могу использовать.

⁷ В США школы ежегодно или в последнем классе выпускают альманахи с фотографиями и информацией об учениках. – *Прим. пер.*

У нее нет парня. Это я знаю. Конечно, можно было бы ее с кем-нибудь свести, но в подслушанных мной разговорах не было ничего о том, что она кем-то интересуется. Конечно, всегда есть Джефф. В «Скаре» он ее явно интересовал, и учитывая, как она рыдала, когда наткнулась на нас с Эндрю, я уверена: то, что между ними произошло, сложилось не так, как надеялась Пейдж.

Но это же *Джефф*.

На литературе я жду звонка, глядя в окно на парковку. Разумеется, окна «мерседеса» Джеффа затуманены безошибочно узнаваемой дымкой марихуаны. Сквозь нее я различаю его ядовито-розовое поло – разумеется, с поднятым воротником.

Даже если Пейдж нравится Джефф, не думаю, что, если я сведу с ним ее или кого-то еще, это можно будет считать хорошим поступком.

Со вздохом я снова сосредотачиваюсь на Ковальски, которая читает какую-то вдохновенную лекцию о том, как Бьянка и Катарина должны оттенять друг друга, подчеркивая отличия между ними. Тоска.

Следя за Пейдж, я заметила одно. Они с друзьями не вполне честны, когда высказывают свое мнение. Между жаркими обсуждениями телесериалов, о которых я никогда не слышала, и каких-то там ролевых игр, они просят друг у друга совета. «Это шляпа портит мне прическу?» «Никто же не видел мое белье, когда ветер задрал мне юбку?» «Как думаешь,

Джейсон Рид когда-нибудь обратит на меня внимание?» На все эти вопросы были очевидные ответы: «да», «нет» и «никогда». Но каждый раз Пейдж и ее друзья говорили то, что хотел услышать спросивший.

Сначала я этого не понимала. Разве человек не будет лучше как друг, если говорит правду? Я бы хотела, чтобы мои друзья сказали мне, что моя шляпа ужасна, или что я трачу время на безответную влюбленность. Или если у меня, например, мерзкий герпес на губах. Я всегда считала, что честность полезна, даже если причиняет боль. Но читая «Укрощение строптивой», я начала в этом сомневаться.

Честность Катарины никому не помогает и заставляет людей ненавидеть ее. Ее честность – то, на что все чаще всего жалуются. Катарина безупречно честна – например, когда говорит Петруччио, что он осел, в первой же паре строк после их встречи. С поправкой на времена это довольно жесткое оскорбление. История повторяется снова и снова. Катарина не скрывает ни одной негативной мысли или мнения, поэтому люди убеждаются в ее репутации как «строптивой».

Если я хочу быть меньше похожа на Катарину, придется поработать с тем, чтобы придержать свое честное мнение.

Наконец звенит звонок, и я медлю, собирая вещи и выжидая, пока уйдет Пейдж. Она засовывает «Укрощение строптивой» в сумку, натягивает странную фиолетовую вязаную шапку с пришитыми кошачьими ушами и идет к двери.

Я собираюсь за ней последовать, когда меня подрезает Эн-

дрю.

– Классная шапка, – говорит он, проходя мимо.

Пейдж придерживает перед ним дверь.

– Спасибо, – отвечает она.

Я хмурюсь. Это не первый мимолетный признак зарождающейся дружбы, который я наблюдала за эту неделю. Каждый день что-то случается – они машут друг другу в коридорах, обмениваются несколькими фразами о прочитанном вчера, обмениваются взглядами, когда кто-то говорит что-то особенно глупое в классе. Мне это не нравится. Не то чтобы я ревновала в романтическом смысле... Я уверена, что Пейдж не во вкусе Эндрю, учитывая что он был влюблен в меня с девятого класса. Однако чем более близкими друзьями они становятся, тем важнее, чтобы я завоевала уважение Пейдж до того, как она еще больше настроит Эндрю против меня.

Я выхожу в коридор и вижу, что Пейдж уже закончила возиться в шкафчике и направляется в столовую. Меня бесит, что я точно знаю, где ее шкафчик и где она сидит за обедом.

– Ты *опять* сегодня работаешь над домашкой по экономике? – спрашивает Эль у меня за спиной. Она догоняет меня, награждая испепеляющим взглядом пару мальчишек-девятиклассников, перебежавших ей дорогу.

Я говорила Эль, что занята экономикой, не потому, что боюсь ее осуждения. Просто придется слишком много объяснять. Мне не нравится быть нечестной перед друзьями.

Однажды, рассказав всем, что провожу весенние каникулы в Авиньоне, как остальные одноклассники, я наткнулась на Эль и всю ее семью в пельменной возле дома. Это было неприятно.

Но сейчас другая ситуация.

– К сожалению, да, – вру я.

– Сколько еще ты будешь делать этот проект? – спрашивает Эль. Я распознаю юмор под ее строгим тоном. Я научилась различать это, несколько лет сравнивая ее возмущенные разговоры с продавцами и промоутерами с приглашением погулять и просьбой помочь смонтировать видео.

– Почему ты так стараешься? – продолжает она, не дожидаясь ответа. – Я же знаю, что ты ненавидишь экономику.

– Вообще нет, – возражаю я. Мне не нравится засиживаться допоздна и смотреть на книги бухучета до слез. Но это окупается.

Эль смеряет меня взглядом.

– Долго еще? – сухо повторяет она.

– Сегодня, – говорю я. – Обещаю.

Я посвятила почти неделю проекту Пейдж. Если в следующие пару часов что-нибудь не найдется, мне понадобится новая стратегия.

– Хорошо, – с напором говорит Эль, распахивая двери в столовую. – Не знаю, выдержу ли еще два обеда, за которыми мне от скуки остается только смотреть, как Брэд и Морган в глаза трахаются.

– Да ладно. Ты не натыкалась на них в процессе, – отвечаю я. – Щенячьи глазки в столовой с этим не сравнятся.

Эль смеется. Мы вместе идем туда, где Морган и Брэд – разумеется, с идиотским видом – смотрят друг на друга.

– Господи, – бормочет Эль и бросает на меня строгий взгляд. – Seriously, Кэмерон. Заканчивай со своей экономической. – Это не просьба.

– Закончу. Обещаю, – повторяю я. – Тебе не нужен пакет? Ну, для рвоты. – Я киваю на Морган и Брэда. – У меня остался от завтрака.

Эль закатывает глаза.

– Иди работай, Кэм.

С усмешкой я оставляю ее и захожу в столовую, как раз когда Пейдж выходит из кухни. Вместо того чтобы пойти за свой обычный стол, она поворачивает к научному крылу. Двигаясь против течения толпы, собирающейся из классов в столовую, я следую за ней. Она останавливается перед классом робототехники. Я поджидаю на расстоянии; она открывает двери и входит внутрь.

Я жду, пока она закончит свои дела. У меня не вызывает энтузиазма очередной сеанс подслушивания разговоров ее друзей о компьютерных играх и японском телевидении – почти наверняка это будет безрезультатно. Каждый четверг выходит очередной эпизод их любимого сериала. Вероятно, сегодня они будут поглощены обсуждением.

Фу. Я как психопатка. Только вместо Бьонсе, или Райана

Гослинга, или кого-нибудь приличного, я преследую девчонку, любящую странные головные уборы и одержимую аниме.

Я проверяю телефон, замечая, что прошло уже больше пяти минут, с тех пор как Пейдж зашла в класс. Намного дольше, чем нужно, чтобы оставить там домашнюю работу или забрать тест. Существует ограниченное количество причин, по которой человек может захотеть находиться в пустом классе в середине обеденного перерыва, и среди них главная – романтика.

Если это Джефф – фу. Если нет, это может оказаться кто-то, с кем я могу ей помочь без таких моральных терзаний. Это может оказаться первой полезной крупницей информации. Хотя я не особо хочу видеть то, что может там происходить, у меня нет выбора. Придется подсматривать.

Закинув сумку на плечо, я непринужденно подхожу к окну. На двери постер БПР – Бостон Преп Роботикс – над рисунком, изображающим значки, как на дверях мужского и женского туалета, только с квадратными головами вместо круглых. Роботы. Остроумно.

Я прижимаюсь лицом к стеклу, ожидая худшего. Ладно, этот роман вызовет у меня еще больше моральных терзаний. Через узкое окошко я вижу только часть картины.

В классе темно. В одном конце лампочка тускло освещает стол и стул, а в углу – горы старого роботостроительного оборудования и удлинителей. На стуле сидит Блевотный Брендан.

Пейдж маячит возле стола. Я наблюдаю за ними. Би-Би занят компьютером, что-то печатает, отвернувшись от сестры. На ее лице написаны сложные эмоции, которые я не привыкла видеть. Не восторг и скептицизм, которые сражаются друг с другом, когда она задротствует на любимые темы с друзьями. И, конечно, не раздражение, которое достается исключительно мне.

Ее лицо отражает что-то вроде надежды и боли. Как будто она пытается изобразить энтузиазм.

Я смотрю, как она говорит с Бренданом, тыкает его в плечо и склоняется над ним, чтобы посмотреть, что он делает. Хотя я не могу понять разговор – даже за неделю своей пугающе чрезмерной слежки за Пейдж я не научилась читать по губам, – но улавливаю одно слово, которое безошибочно срывается с губ Пейдж. «Пожалуйста». Судя по ее умоляющему выражению лица и по тому, как она машет в сторону дверей, я делаю вывод, что девушка пытается уговорить Брендана пообедать с ней за пределами класса робототехники. Он жестом указывает на компьютер, и Пейдж опускает плечи. Я немедленно перевожу выражение ее лица: тревога.

И тут до меня доходит: в эссе она писала о тревоге. Я *идiotка*, раз не поняла, о ком она писала. Человек, о котором она так часто тревожится, что кажется, будто она теряет себя. Человек, которого травят у нее на глазах, а она ничего не может сделать, чтобы ему помочь.

Она ничего не может сделать. Но возможно, я могу.

Пейдж поворачивается, и я не успеваю вовремя отодвинуться от окна. Мы встречаемся глазами. Ее лицо становится жестче в удивлении. А когда она узнает меня, то исполняется ярости.

Я понимаю, что у меня нет шансов отступить и сделать так, чтобы про эту встречу все забыли. Я жду, и через секунду Пейдж вылетает из класса и набрасывается на меня.

– Какого черта, Брайт? – взрывается она. – Теперь ты за мной шпионишь?

«Если бы ты только знала». Я напоминаю себе не отвечать ударом на удар, не разбивать лютню. Сейчас я не могу быть Кет. Мне нужно заслужить *прощение* Пейдж, а не испортить все еще больше.

– Это не то, что ты думаешь, – говорю я наконец.

– Ах, нет? Что же ты тогда тут делаешь? – кривится она. – Хочешь вступить в команду по робототехнике?

– Конечно, нет! – Я чувствую, как морщится нос, но осознаю, что не стоит насмехаться над робототехникой перед Пейдж. Я изображаю понимающее лицо. – Не то чтобы мне не нравилась команда робототехники, просто... – начинаю я возвращаться на нужный путь.

– Кончай гнать! – перебивает Пейдж. – «Популярные девчонки», – она изображает кавычки пальцами в воздухе, – не интересуются робототехникой, и, уж конечно, не тратят обед на то, чтобы следить за такими как я. Ты что-то задумала.

– Что ты знаешь о «популярных девчонках»?

Пейдж шире раскрывает глаза и издает горький смешок.

– Отлично. Очень смешно, – ее голос полон сарказма, – хотя и гадость, что для тебя характерно.

– Нет, – отвечаю я, осознавая, как ужасно все складывается. – Я пытаюсь сказать, что не все популярные девчонки так стереотипны. Я не такая...

– А изображаешь хорошо, – с каменным лицом говорит Пейдж.

Наконец я ощущаю вспышку гнева, и слова вырываются раньше, чем я успеваю их сдержать.

– Ты не могла бы хоть на пару минут перестать изображать оскорбленную невинность? – слышу я свой голос. Пейдж вздрагивает. – Слушай, – продолжаю я, – мне хотелось бы... не знаю, исправить ситуацию. Я пошла сюда за тобой... – я замечаю появляющееся на ее лице самодовольство и вздыхаю, – да, ладно, я за тобой следила. Просто хотела сделать для тебя что-нибудь хорошее.

У нее сужаются глаза. На этот раз от недоумения, а не от гнева. Это прогресс.

– Я хочу все исправить, – говорю я. – После того, что случилось в «Скаре».

Пейдж выгибает брови и издает пренебрежительный смешок-фырканье.

– Но ты не можешь, Кэмерон. Ты не можешь все *исправить*. Не то чтобы твои слова наложили отпечаток на мою самооценку. У меня просто нет никакого желания тебя про-

щать.

У меня сжимается сердце.

– Ты не можешь сделать ничего, что могло бы меня заинтересовать, – говорит Пейдж, отворачиваясь, чтобы уйти.

– Как насчет твоего брата? – бросаю я.

Пейдж замирает. Я практически чувствую, как ее желание уйти прочь сражается с... чем?

Она поворачивается ко мне.

– Что насчет него? – говорит она наконец. – Что хорошего ты можешь сделать для моего брата?

– Я помню твоё эссе, – отвечаю я с готовностью. – Ты ведь о нём беспокоишься? – Пейдж ничего не говорит, и я продолжаю: – Что, если я извинюсь перед ним? Ты права, из всех людей мне точно нечего предложить твоему брату. Но что, если я пойду сейчас в класс робототехники и извинюсь за прозвище, которую ему дала?

Пейдж косится на кабинет робототехники. Я продолжаю, не желая терять фокус.

– Может, я «злая», – я повторяю жест, изображающий кавычки, и получаю в ответ намек на выгнутую бровь, – но я не слепая и не дура. Кто знает, может, если я пойду туда и извинюсь, Брендан ... – Я указываю жестом на кабинет. – Кто знает, вдруг это заставит его выйти оттуда и обедать с друзьями, а не прятаться?

Наверное, звучит так, словно я в отчаянии. Но мне все равно, потому что у Пейдж в голове крутятся колёсики.

Я вижу, как она размышляет. Выражение лица смягчается, взгляд переходит с меня на дверь кабинета. Сурово нахмуренные брови едва заметно расслабляются. Мгновение спустя уголки ее губ слегка поднимаются. Не обеспокоенно, а как будто в знак неохотного, невольного согласия.

Ее вновь ожесточившийся взгляд возвращается ко мне.

– Ладно, – говорит она.

– Правда? – Пока я не услышу, как Пейдж это говорит, я не поверю, что действительно нашла решение проблемы, над которой билась целую неделю. Я совершенно не хочу, чтобы через пару часов Пейдж решила, что позволить мне извиняться перед Бренданом – ужасный план, и я ужасный человек, потому что мне это вообще пришло в голову.

Пейдж кивает.

– Извинись перед Бренданом – исправь то, что сделала с ним, – и я прощу тебя за то, что ты сказала мне.

Судя по самодовольному выражению лица, она не верит, что у меня получится. Не верит, что Кэмерон Брайт, исключительная стерва, может выдать хотя бы одно извинение.

Мне все равно. Я наконец разрешаю радости проявиться на лице. Если Пейдж меня простит, я окажусь на один огромный шаг ближе к тому, чтобы она рассказала своему новому лучшему другу Эндрю, что произошло в «Скаре» – ерунда, а я проявила заботу о ее брате и на самом деле не такая, какой она меня считала.

– Договорились, – отвечаю я.

Без лишних слов Пейдж уходит. Я собираюсь с духом и открываю дверь.

Глава 9

Кабинет робототехники больше похож на склад, чем на класс. На столах из толстого дерева вдоль одной из стен навалены горы кусков металла, прикрученных друг к другу в незавершенные формы; провода идут от моторов к приборам и мигают огоньками. У другой стены – ряд компьютеров, новые «маки» рядом со старыми настольными компьютерами, которые кто-то наполовину отремонтировал.

Я прохожу между столами в глубину, где сидит Би-Би; мои шаги не слышны за звуковыми эффектами его компьютера. Я останавливаюсь в паре шагов от него и заглядываю через плечо. Он играет в какую-то игру на компьютере, подключенном к внешнему жесткому диску и к сложной клавиатуре с дополнительными клавишами, наверное, специально для игр. Он яростно стучит по ним пальцами.

Пару секунд я смотрю на экран. Двумерный персонаж не движется, несмотря на то, как Брендан лупит по мышке и клавишам. Фигура, изображающая, полагаю, колдунью – в драматическом черном платье и со светлыми волосами – налетает на застрявшего персонажа. Цветовая палитра игры беспорядочная – пастельные и неоновые цвета, смешанные без всякой логики.

Я наблюдаю, как колдунья лихо срубает голову неподвижного мальчишки. На экране сверкают слова «Конец игры».

Брендан раздраженно вздыхает и набирает новые команды. Я решаю, что более подходящего момента не будет.

– Привет, Би... Брендан, – говорю я, и мой голос необычайно громко звучит в огромной комнате. – Что ты делаешь?

Брендан стремительно разворачивается. Подозрительно осматривает комнату, словно ищет объяснение тому, что я тут делаю. Тусклый свет бросает тени ему на лицо, с четкими чертами, которые не ожидаешь увидеть у мальчишки из десятого класса.

– Тебе нужна помощь с задачами, или что? – спрашивает он.

– Что? – теряюсь я, пока не вспоминаю, что задачи по информатике – это самая вероятная причина, по которой я бы к нему пришла. – Нет. Я, эм, пришла с тобой поговорить.

– О чем? – он сужает глаза.

Я сажусь на стул рядом с ним. На его футболке большими квадратными буквами написано «Чистокровный грешник»⁸ над изображением лошади. Он смотрит на меня так, словно ждет, что я на него брошусь.

– Я понимаю, что в прошедшие годы вела себя с тобой не очень хорошо, – искренне говорю я.

Би-Би еще секунду меня рассматривает. В глубине своей нелогичной души я надеюсь, что на этом все закончится, что Брендан просто пожмет плечами, скажет «Ладно», и прошлое останется в прошлом.

⁸ Отсылка к фильму «Музыкальный блог доктора Ужасного». – Прим. пер.

Вместо этого он отворачивается к компьютеру.

– Не понимаю, о чем ты, – без тени эмоций говорит он. – Мы даже не знакомы. – Секунду спустя он бросает на меня взгляд искоса. – Если боишься, что я расскажу мистеру Весту, что ты писала имейлы в классе, забудь.

– С чего бы я... – начинаю я говорить про то, что Весту все равно, но осекаюсь. Мне нужно принести Би-Би искренние извинения, и чем быстрее, тем лучше. – Помнишь, когда ты только сюда перевелся в шестом классе, а я была в седьмом? – торопливо говорю я. – Тебя тогда несколько раз стошнило в столовой? Типа каждую неделю, и мы знали, что не надо есть в столовой, когда ты там, и не ходить в мужской туалет на втором этаже?

Меня несет. Такого никогда не случается. Но Брендан больше не смотрит на компьютер. Его взгляд скептически встречает мой. От его внимания мне внезапно становится неловко.

– Нет, – сухо говорит он. – Я совершенно забыл этот *восхитительный* период жизни. Спасибо, Кэмерон, что напомнила.

Я морщусь. Я сделала именно то, что сделала бы Кет. Я была слишком прямой, слишком честной. Но что еще я могу сказать? У меня нет опыта извинений, а значит, я не знаю, что делаю.

– У меня это плохо получается, – говорю я Брендану. Изучаю его нос и карие глаза, замечая, что при ближайшем рас-

смотрении он совсем не похож на Пейдж. Не знаю, почему, но от этой мысли у меня возникает новая волна нервозности. Только воспоминание о том, зачем я здесь, не позволяет мне поднять белый флаг и сдаться. «Эндрю».

– Могу дать совет, – отвечает Брендан с жесткостью в голосе. – Что бы «это» ни было, не делай. Иди лучше делать селфи с подружками или чем ты там занимаешься.

– Эй, – огрызаюсь я, почти не заботясь о том, что не сдерживаюсь. – Не обязательно наезжать, когда я пытаюсь извиниться.

Би-Би вскидывает брови.

– Ты пытаешься извиниться? Вау, это у тебя получается *реально* плохо.

От его слов мой гнев стихает. Мне даже не стоит пытаться защищаться. Он прав на сто процентов. Дыхание вырывается из груди раздраженным вздохом.

– Я *знаю*, Брендан, – говорю я. – Но мне жаль, что я начала звать тебя Би-Би. И жаль, что вся школа так тебя зовет уже пять лет.

Честно говоря, у меня была причина. В седьмом классе на перемене я просто читала в коридоре на втором этаже. Я не хотела, чтобы мои друзья об этом знали, потому что читать, разумеется, не круто, но отец прислал мне один из немногих подарков на день рождения, которые я от него получала – «Лев, колдунья и платяной шкаф»⁹. С одной стороны,

⁹ Книга К. С. Льюиса в жанре фэнтези. – *Прим. пер.*

это был совершенно неуместный подарок, потому что меня подобные вещи никогда не интересовали. С другой стороны, это был подарок от отца. Мысль о том, что он пошел в магазин, выбрал книгу и завернул ее, была для меня важнее всего на свете.

Я читала в коридоре, и к сожалению, близко к туалетам. Брендан вылетел из-за угла, хватаясь за живот. Я не успела отреагировать. В следующую секунду его обильно стошнило на пол, и брызги полетели на мой рюкзак, мои туфли – и на книгу.

Теперь Би-Би смотрит на меня в упор, осознавая мои извинения. Неожиданно для меня он резко смеется.

– Ну ладно, отлично. Спасибо.

Я изучаю его, пытаюсь понять, что происходит.

– Мне кажется, это не совсем искренний ответ.

Он качает головой.

– Все знают, что у меня глютеновая болезнь, – говорит он, снова усталым тоном. *Я* не знала – или знала? Конечно, если я и слышала об этом, то могла забыть. – Все знают, что когда я ем глютен, то *блюю*, – продолжает он, и я замечаю подчеркнутое слово. – В шестом классе мне пришлось сдавать разные болезненные и стыдные анализы, потому что никто не знал, что со мной не так. Когда наконец выяснили, все могло быть хорошо – вот только благодаря тебе вся моя жизнь в старшей школе была определена прилипчивой кличкой, которую ты придумала. – Его голос набирает силу, темные гла-

за неожиданно яростные. – Знаешь, как мне трудно находить друзей? Знать, что все, в каждом классе, слышат мое имя и немедленно думают «Блевотный»? – Он снова отворачивается к компьютеру. – Конечно, не знаешь.

Я не знаю, что сказать в ответ. Мне *ничего* сказать. Я сижу молча, пораженная, тщетно пытаюсь придумать ответ.

– Я... прости, – выдавливаю я. – Скажи мне, как это исправить. Я что угодно сделаю.

– Мне ничего от тебя не нужно, – быстро отвечает он.

Я резко встаю; с меня хватает. У меня горит лицо. К черту, не буду больше сдерживать свое мнение.

– Ну и ладно, прячься тут дальше, вали на меня полное отсутствие общественной жизни в школе. Конечно, все дело в прозвище, а не в том, что ты нелюдимый и предпочитаешь проводить время за бессмысленными компьютерными играми с цветовой палитрой, которую выбирал восьмилетка, вместо того, чтобы поговорить с девчонкой, или с парнем.

Я собираю вещи, чтобы вылететь из класса. Но у меня за спиной Би-Би говорит:

– Я не *играю* в бессмысленную игру, – тихо говорит он. – Я ее делаю.

Повернувшись, я снова смотрю на экран компьютера. Впервые я замечаю рядом с ним блокнот. Он открыт на набросках и моделях, в которых можно узнать мальчика и ведьму из игры. Я вспоминаю сказанные несколько секунд назад слова с уколом вины. «Цветовая палитра, которую выбирал

восьмилетка».

Теперь я смотрю на экране с уважением.

– Ты это делаешь? – повторяю я.

Вместо ответа Брендан решительно отключает монитор, засовывает блокнот в рюкзак и останавливается передо мной.

– Хочешь знать, как можешь искупить вину? – спрашивает он. – Не лезь в мою жизнь.

Собрав свои вещи, он выходит из класса.

Глава 10

Я жду утра пятницы с ужасом.

Я *знаю*, что обязательно наткнусь на Пейдж. И знаю, что она выскажет мне за все, что вчера случилось с Би-Би – *Бренданом*. Стоит ожидать резких формулировок, оскорблений и полного пересказа моего эпического провала.

Но это не худшие последствия. Худшими будет то, что она расскажет Эндрю – как я в попытке отвоевать его обратно загнала ее брата глубже в неуверенность в себе, потому что не могла принять последствия того, что оскорбила *ее*.

Что за стерва эта Кэмерон Брайт.

Хотя я готова к грядущей катастрофе, но не особенно жду момента противостояния. Я прикладываю все усилия, чтобы избежать утренней встречи с Пейдж. Я надеюсь, что смогу пробраться по коридорам перед самым началом урока и проскользнуть в класс после того, как Пейдж уже будет там.

Конечно, вместо этого Пейдж находит меня, когда я запираю свои записи из шкафчика. Глупая ошибка.

И я не готова к тому, как непринужденно она ко мне подходит. На ней фиолетовый топ в полоску, юбка до пола и черная шапочка с драконьими ушами. Она прислоняется к соседнему шкафчику, наблюдая за мной.

Я не делаю вид, что не заметила ни ее, ни жестко поджатые губы с помадой непередаваемого фиолетового цвета. Я жду

взрыва. Разумеется, я *не* стану сама начинать этот разговор.

– Что ж, – говорит она наконец, – когда ты сказала, что извинишься, я не думала, что извинения включают описание моего брата как нелюдимого неудачника.

Я морщусь и делаю глубокий вдох.

– Честно говоря, я не использовала слово «неудачник»...

И я останавливаюсь. Потому что выражение лица Пейдж – это не совсем ярость. На самом деле уровень ярости скорее средний. Возможно, легкий. Но меня останавливает то, что я замечаю под неопределенным уровнем ярости. Как будто ей... весело.

– Ты не злишься, – рискую я. Пейдж пожимает плечами.

– Немного, – говорит она.

Я жду в недоумении. Когда я уходила, настроение Би-Би было *определенно* хуже, чем до моего появления. Несомненно, я ранила его чувства. И несомненно, Пейдж об этом узнала. Чего я не понимаю?

– Знаешь, – говорит она непринужденно, притворяясь, что изучает облупившийся черный лак на ногтях, – я не думала, что ты на это пойдешь. Что извинишься перед Бренданом. Или хоть попытаешься, – ее взгляд находит мой, и тень веселья из него все еще не исчезла. – Это совсем не похоже на плоскую и стереотипную популярную девчонку.

Она отклеивает плечо от шкафчика и направляется в сторону кабинета этики. Я иду следом, едва осознавая, что сейчас услышала.

– Так что... мы в порядке?

– Ну конечно, – она закатывает глаза, открывая передо мной дверь. – Конечно, нет. Ты сказала, что я жалкая, а мой брат – неудачник. Это далеко от порядка, Брайт.

Когда я прохожу мимо, уголок фиолетовых губ приподнимается в признаке чего-то, напоминающего улыбку... первую, которую она мне адресовала.

Пейдж... странная.

Глава 11

Во второй раз за этот месяц я приношу в школу написанное от руки записку, адресованную парню. Не помню, чтобы когда-либо в прошлом использовала настоящие куски бумаги для общения с одноклассниками – разумеется, я предпочитала смски. Мы не первоклассники, которые распихивают одинаковые фальшивые валентинки по коробкам на партах. Но в данном случае записка – единственный способ.

Я прибываю в школу на десять минут раньше – нелегкая задача, учитывая непредсказуемый трафик на Олимпийском бульваре в утро понедельника. В коридоре я, сжимая в руке записку, направляюсь в дальний конец кампуса. Коридор перед кабинетом робототехники пуст.

Я знаю, что Би-Би велел мне держаться от него подальше. Но это для его же блага. Когда он узнает, почему я проигнорировала его просьбу, мне кажется, он поймет.

Я написала записку в воскресенье в приступе вдохновения.

«Дорогой Брендан, присоединяйся сегодня за обедом ко мне, Эль Ли, Морган Ле-Клэр и Брэду Бишопу. Мы сидим на патио на втором этаже. Я знаю, что тебе не нравлюсь, но думаю, ты понимаешь, что если пообедаешь с популярными старшекласниками, это немедленно избавит тебя от плена неизвестности. Я уверена, что одного или двух обедов будет

достаточно, чтобы исправить вред от неудачного прозвища. Я еще раз приношу за него извинения. Обещаю, тебе не придется со мной разговаривать, если ты сам не захочешь. Некоторые из моих друзей по-настоящему хорошие. Тебе даже может понравиться».

Би-Би отшельник, но не дурак. Он поймет, что я права.

Когда я открываю дверь кабинета робототехники, там пусто. Я пробираюсь среди столов и гор оборудования к массивному геймерскому компьютеру Брендана в дальнем конце. Его тетради на том же месте, где я их видела в последний раз, и у меня осталось впечатление, что он – единственный, кто использует это место. Я кладу записку на клавиатуру и покидаю кабинет до звонка.

Первая половина дня обходится без происшествий. На этике мы сравниваем прочитанное с эпизодами «Хорошего места», и это на самом деле довольно весело. На экономике мы прорабатываем задачи про разводнённую прибыль на акцию, большую часть которых я решила вчера, кроме двух последних. На литературе я слушаю вполуха, как Ковальски читает лекцию про то, как Люченцио пытается завоевать Бьянку в «Укрощении строптивой». Одновременно я работаю над новым списком.

Люди, перед которыми нужно извиниться, и способы это сделать

• *Пейдж Розенфельд, за то, что назвала ее жалкой – исправить ситуацию с Бренданом*

• *Брендан Розенфельд, за прозвище, которое предположительно испортило ему жизнь*

Предстоит еще поработать.

Когда в обед я подхожу к нашему столу, Эль что-то напряженно набирает в телефоне. Рядом с ней Брэд нависает над учебником по углубленному обществознанию. Морган рассматривает двор и грызет яблоко.

С ними больше никого нет.

Ничего, говорю я себе. Би-Би, наверное, покупает обед.

Он придет.

Но минуты идут, и я заканчиваю есть, а его все нет. Эль замечает, что я все время поглядываю в сторону лестницы, и бросает мне вопрошающий взгляд. Я заставляю себя слушать рассказ Морган про то, почему ее медиаюрист должен найти ей нового агента. Напряжение во мне растет с каждой минутой, приближающей обед к завершению.

Наконец звонит звонок. Брендан не пришел.

Закинув сумку на плечо и резко попрощавшись с друзьями, я пытаюсь мысленно разобраться в ситуации по пути на информатику. Возможно, он не получил записку. Листок бумаги вполне мог упасть с клавиатуры под ноги, и учитель бросил бы его в мусор. В классе я смогу поговорить с Бренданом и узнать, что случилось.

Я вхожу и вижу Би-Би за учительским столом; он работает за своим компьютером. На его лице ничего не отражается, когда я останавливаюсь в проходе, читая на доске инструк-

ции к сегодняшнему набору задач.

Я поговорю с ним после урока.

Я подхожу к своему компьютеру, настраиваясь на сегодняшнее задание. Бросив вещи на стол, я поднимаю тяжелый сборник инструкций по программированию. На моем, на первой странице, почерком, безошибочно соответствующем жестким буквам на доске, написано:

НЕ ИНТЕРЕСУЕТ

Что ж, надо полагать, Брендан получил записку. Я чувствую, как горят щеки. Поднимая взгляд от сборника к его месту перед доской, я ожидаю, когда Брендан посмотрит на меня в ответ. Вместо этого он продолжает целеустремленно работать на компьютере.

Он дал мне все причины оставить его в покое. Понять намек.

Однако я приступила к этому проекту с одним намерением. Если я сдамся, то не заслужу его прощения, и не заслужу Эндрю.

Поэтому я не сдамся.

Вернувшись домой, я вытираю кроссовки о коврик перед дверью. На коврике перед дверью написано «Намасте в постели». Я закатываю глаза каждый раз, когда читаю эту идиотскую надпись. Сегодня я намеренно вытираю грязь с обуви о слово «постель».

У меня ужасное настроение, все благодаря Брендану. Да-

же то, что я заняла второе место в сегодняшнем забеге, не могло вытеснить из моей головы резкую реакцию Би-Би. Редко так случается, что бег не отвлекает меня от того, что меня беспокоит. Мне нравится четкая и определенная цель забега. Ты вкладываешь время и усилия, и в итоге выигрываешь. В сегодняшнем забеге на три мили по Руньон Каньон я побила свой личный рекорд и закончила меньше, чем за восемнадцать минут; хотя честно говоря, я ожидала, что побью личный рекорд. Мы тренируемся каждый будний день, с трех до четырех тридцати, и каждый день на этой неделе я пробегала дистанцию точно по расписанию. Сегодня начинается сезон соревнований, и я хочу уменьшать свое время в каждом из еженедельных забегов.

Я отпираю и пинком распахиваю входную дверь, затем стягиваю кроссовки, чтобы проверить источник боли в большом пальце. Как выясняется, из него снова идет кровь, пропитывая носок. Нужно найти пластырь...

– Кэмерон! Привет!

Я резко роняю окровавленный кроссовок, поднимаю глаза и понимаю, что я не одна в гостиной. Деб, мама Эндрю, смотрит на меня с дивана. А я тут стою и провожу медосмотр собственной ноги, которая могла бы сыграть гостевую роль в «Анатомии Грей»¹⁰. Я заливаюсь не самым красивым оттенком розового.

На дворе вечер понедельника. *Конечно же*, вечер поне-

¹⁰ Телесериал про больницу. – Прим. пер.

дельника.

Мама что-то мешает на плите, а Эндрю маячит возле стойки. Обычно перед ним был бы открытый учебник, но сегодня я вижу у него в руке ключи.

Не могу поверить, что я забыла, что он сегодня придет. Я так сосредоточилась на том, чтобы произвести на Эндрю впечатление, что умудрилась забыть про... Эндрю. Я бы не забыла, если бы у меня в голове не кружился миллиард планов, касающихся Пейдж, Брендана и всего остального.

– Эндрю, – говорит моя мама, – ты правда не можешь остаться на ужин?

Я надеюсь поймать его взгляд, но он не смотрит в мою сторону.

– Я бы очень хотел, но у меня тренировка.

Я точно знаю, что тренировки у него нет, не так поздно.

Он никогда не упускал возможности остаться и делать уроки или бегать вместе со мной вечером в понедельник. Видимо, ему недостаточно избегать меня во дворе и коридорах Бомонта. Теперь он избегает меня в единственном месте, где мы были настоящими друзьями. Из двух сегодняшних отказов этот причиняет больше боли.

Он выходит, миновав меня без единого взгляда, и когда дверь закрывается, я морщусь. Однако вместо того, чтобы сосредоточиться на Эндрю, я смотрю на свою мать, которой не должно быть здесь. У которой не должно было найтись время на то, чтобы приготовить мясной рулет, который стоит

на стойке.

– Я думала, что сегодня твой первый день на работе, мама, – говорю я ровным тоном. Я знаю, что она знает, на что я намекаю, потому что отводит взгляд, прежде чем ответить мне самой фальшивой улыбкой на свете.

– Почему бы тебе не сходить в душ? Ужин почти готов, – я слышу напряжение в ее сладком голосе.

Я подхожу к плите, где можно говорить вполголоса, так, чтобы Деб не услышала. Я знаю, что она пытается спрятаться за гостьей, но ее жизнерадостное актерство меня не отвлекает.

– Я думала, что ты работаешь до семи, – говорю я, позволяя резкой нотке проступить в голосе.

– Сегодня было только обучение. Я рано закончила, – она отводит глаза и смотрит, как кипит подливка. Я знаю, что она врет. Балетки возле дивана, посуда в раковине, тарелка с крошками и полупустая кружка из-под кофе. Все как обычно.

Раздражение поднимается у меня в горле, как желчь.

– Ладно, – говорю я с жестким взглядом. – Мне нужно сделать один звонок, и я сразу вернусь.

Я замечаю, как мама морщится. Она понимает, что это угроза.

Я выхожу прежде, чем она успевает ответить.

Когда через десять минут я выхожу из душа, она ждет в

моей комнате. Я узнаю сочетание страха и вызова в ее глазах. Она прислонилась к углу моего стола, нервно теребя ручку, хотя я миллион раз ей говорила, чтобы она не переставляла ничего в моей комнате. Честно, не знаю, то ли она назло это делает, то ли просто не помнит.

– Не обязательно звонить твоему отцу до ужина, – обиженно шепчет она. – Мне не нужно, чтобы он на меня орал во время приятного ужина с друзьями.

– Ты сегодня не пошла на работу, мама. Не пытайся врать, – я бросаю одежду для бега в стирку.

– Он уже знает, Кэмерон. Наверняка компания ему позвонила, – огрызается она. И кладет ручку на стопку домашней работы вместо того, чтобы поставить в кружку с изображением набережной Венис-Бич, из которой, как мне точно известно, она ее взяла. Я пересекаю комнату и подчеркнуто ставлю ручку обратно в кружку.

– Почему ты не пошла? – более мягким тоном спрашиваю я. Я расстроена, но знаю, что наступает момент, когда обида и обвинения перестают производить на мать впечатление. – Нам нужна эта работа. Как ты собираешься оплачивать счета?

– Все будет хорошо, – отвечает мама с дерзкой уверенностью. – Я взяла займы у сестры.

Она быстро вскидывает голову, словно не должна была говорить мне о займе. Честно говоря, я поражена, что мама сумела дожать тетю Джейн. Единственная мамина сестра жи-

вет в Коннектикуте со своим мужем-юристом и открыто презирает свою семью. Надо полагать, тетя Джейн выписала ей чек для того, чтобы откупиться на следующие десять лет.

– Но не рассказывай отцу, – торопливо добавляет мама. – Лучше пусть он считает, что у нас немного сложнее финансовая ситуация.

У меня пересыхает во рту. Мать нечасто вызывает у меня отвращение. Раздражение – да. Жалость – иногда. Моменты, когда ее поведение оказывается настолько низким, что я жалею, что мы родственники, случаются очень редко.

Сейчас наступил один из них.

– Не могу поверить, что ты это сказала, – мой голос становится мрачнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.